

Эзумрит

Автор:

Анна Некрасова

Эзумрит

Анна Некрасова

Когда герои и злодеи меняются местами, сбываются самые зловещие предсказания, записанные в магических книгах Великой Сохи – знахарки и хранительницы мудрости веков. А до той поры каждый бережет свой секрет: река, населенная дивами, почка ветродуя, укрывшая ведьму, заколдованная лесная поляна... Но настоящая тайна скрыта в камне правителя Тмироса и огненно-рыжих волосах Тамеи. Тайна гибели великих магов и рождения наследницы Эзумрит. И раскрыть ее может только... любовь.

Анна Некрасова

Эзумрит

В центре большой пещеры, отгоняя мрак к стенам, ярко горел костер. У огня в задумчивом молчании сидели три женщины. Их огромные тени извивались на стенах в причудливом танце. Одна из женщин поворошила угли длинной палкой, угли отозвались раздраженным треском и выбросили сноп мелких искр.

– Когда ты уходишь? – спросила женщина, положив палку у своих ног.

– Прямо сейчас, – ответила вторая женщина и поднялась с камня, покрытого толстой шкурой.

– Ты решила, что пора? – встрепенулась их соседка.

– Боюсь, что опоздала! – Вторая женщина, накинув на голову капюшон черного плаща, направилась к темному проему.

Из мрака навстречу ей выступила громадная фигура с короткими толстыми ногами, длинными руками и маленькой головой. В руках чудовище держало факел.

– Я провожу тебя, госпожа, – прогреготало оно.

– Спасибо, Гурб, – отозвалась женщина.

Великан двинулся вперед, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Он вел свою госпожу по петляющему коридору, безошибочно определяя дорогу и время от времени разгоняя чьи-то тени в темноте. Подземный коридор выводил на круглую каменную площадку, находившуюся почти у самой вершины горы. Гурб остановился в проеме. Женщина вышла на площадку и приблизилась к ее краю: над головой звезды, казавшиеся больше и ярче, чем если смотреть на них снизу, под ногами бездонная пропасть, а вдали земля с крохотными огоньками, разбросанными по всему пространству редко и беспорядочно. Там люди мирно спали в своих домах. Какое-то время женщина постояла, вдыхая прохладу, затем резко взмахнула руками и, оттолкнувшись от каменного уступа, стремительно поднялась ввысь. Замерев на мгновение, она слегка согнула спину, прижала руки к груди и легко заскользила вниз, туда, где равнина мерцающим светом манила к себе. Женщина летела по ночному небу, и только длинные полы ее плаща хлопали на ветру, как крылья большой птицы.

Глава 1

Сватовство

Тамею разбудил запах. Во дворе на очаге, сложенном из обтесанных камней, мама пекла пресные лепешки. Запах струился сквозь открытые окна, проникая во все уголки дома, делая его уютным, родным, желанным. Вставать не хотелось. И Тамея еще долго лежала бы, наслаждаясь покоем и счастьем, но лепешки к завтраку вот-вот будут готовы, а она до сих пор не принесла молока!

Тамея потянулась и села на кровати.

В деревне Хутти, состоявшей всего из шестнадцати домов, держали общее дойное стадо крупных животных – дадан. Каждое утро и каждый вечер к дому молочницы выстраивалась очередь с кувшинами. Обычно в семье Тамеи за молоком бегала младшая сестренка Лавидия, но сегодня, в свой выходной день, Тамея вызвалась сходить к молочнице сама, чтобы Лав могла подольше поспать.

Тамея была рыбачкой, а летом охотники и рыбачки, в отличие от пахарей, пастухов или молочников, трудившихся каждый день, промышляли поочередно. Один день охотники еще затемно шли в лес, на другой – рыбачки с сетями отправлялись на реку. Добытой дичи и рыбы обычно с лихвой хватало, чтобы накормить ужином всех хуттинцев. С наступлением осени работать приходилось каждый день. Рыбу и мясо коптили, вялили, солили, запасаясь провизией на всю зиму. Охотники, правда, и зимой добывали свежее мясо, река же с приходом холодов замерзала, и рыбачки вынуждены были находить себе другое занятие. К счастью, зимы были короткими, а земля щедрой, и потому хуттинцы не знали ни голода, ни холода.

Тамея откинула тонкое одеяло и спустила ноги на деревянный пол. Солнце заливало комнату. Лав безмятежно спала на соседней кровати. Внезапно порыв ветра забросил в окно волнующий аромат пупырышника, на мгновение перекрывший запах хлеба. Тамея улыбнулась: говорят, если утром первым запахом, который учует девушка, будет аромат пупырышника, то в этот день ей обязательно повезет в любви.

Она натянула короткие коричневые штаны, державшиеся на талии при помощи тесемочек, влезла в темно-зеленую тунику и, шлепая босыми ногами, вышла в кухню.

Дом Перласа, отца Тамеи, ничем не отличался от других домов в деревне. В кухне, куда с улицы можно было попасть через небольшие сенцы, стояли каменная печь, стол, две скамьи и сундук с домашней утварью. В двух других комнатах, одна из которых принадлежала Перласу и его жене Хиде, вторая – двум их дочерям, имелись кровати, лавки и сундуки с пожитками. Дверь во всех деревенских домах была только одна – входная, проемы внутри завешивались, по обыкновению, широкими полотнищами ткани.

Взяв со стола глиняный кувшин, Тамея уже собралась выйти на улицу, но тут в кухне появилась мать с большим блюдом в руках, на котором дымилась грудка золотистых лепешек.

– Пусть сердце ожидает праздника! – торжественно произнесла Хида.

Тамея подозрительно посмотрела на нее: полным приветствием пользовались в особых случаях, обычно говорили коротко: «Пусть праздник!»

– Что же ты не отвечаешь? – лукаво улыбнулась Хида, ставя блюдо на середину стола.

– Пусть! – буркнула Тамея.

– Я пекла лепешки и думала: вот управлюсь и накормлю таток. Татки голодные вокруг меня так и крутятся. А одна вдруг вспорхнула мне на плечо, и знаешь, что шепнула?

Тамея терпеть не могла, когда мать разговаривала с ней, как с маленькой девочкой, и уверяла, будто татки и даданы изъясняются на человеческом языке и непременно разбалтывают ей какие-то секреты.

– Некогда мне. – Тамея потрясла пустым кувшином.

– Неужто тебе неинтересно, что сказала татка?

Хида принялась разминать в глубокой чашке вчерашнюю лепешку, поливая ее кислым молоком.

– Вообще-то, не очень. Расскажи об этом Лав, когда она проснется, – хмуро посоветовала Тамея.

– Это касается не Лавидии, а тебя! – не теряла прекрасного расположения духа Хида. – Татка сказала, что одна очень симпатичная девушка должна ждать сегодня вечером сватов!

У Тамеи от неожиданности кувшин вывалился из рук и разбился с неприятным тревожным звуком. Она лихорадочно соображала: кто же мог к ней посвататься? Тамее очень нравился один молодой охотник, впрочем, он нравился всем хуттинским девушкам. Да разве могло быть иначе? Охотники с незапамятных времен считались в деревне самыми завидными женихами, а Далан отличался еще и статью, и красотой, и веселостью нрава. Тамее казалось, что и она была по сердцу Далу. Но чтобы вдруг взять да и посвататься?..

Однажды на посиделках Брокус, сын молочника Рувина, пригласил Тамею танцевать, но он оказался на целую голову ниже ее, и из-за этого над ним долго потешались и парни и девушки. Больше Брокус к ней и близко не подходил. Заглядывался на Тамею и Зайн, сын пастуха Берка. Правда, парень он был робкий и стеснялся того, что он пастух. А рыбацки в Хутти пользовались особым уважением и всегда могли рассчитывать на достойного жениха.

Да, Тамея была бы подходящей невестой для Дала, однако в деревне помимо нее были еще две незамужние рыбацки, сестры Агга и Дэвика. И обе очень симпатичные. Конечно, есть еще Торин, но он нравится Роке, а Тамея скорее всю жизнь проживет в одиночестве, чем выроет яму на тропе лучшей подруги.

А может, кто-нибудь приглядел Тамею на прошлом празднике? Два раза в год, зимой и летом, в деревне Хутти и двух соседних деревнях по очереди проводился Праздник поясов. Все парни и девушки съезжались в одну деревню, где их ждали угощение, музыка и танцы. Два дня молодые люди веселились, а на третий, во время торжественного прощания, юноши и девушки, намеревающиеся вступить в брак, обменивались поясами. Затем гости уезжали, а те, кто получил в подарок пояс, должен был постоянно подвязывать им свою тунику в знак того, что обещание жениться или выйти замуж уже дано. Свататься, как правило, приезжали сразу после окончания весеннего сева, а свадьбы играли поздней осенью, когда был собран урожай пшеницы и сделаны заготовки на зиму. Но на прошлом зимнем празднике Тамея не получила пояса и свой никому не подарила. Значит, вряд ли сваты приедут из соседней деревни. А если это все-таки Дал? Сердце Тамеи зашлось от волнения. Она очнулась только тогда, когда Хида легонько толкнула ее, собирая черепки.

– Мама, а кто свататься будет? – Тамея низко наклонилась, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Не скажу! – хохотнула Хида.

– Мама, скажи, а то уйду на реку и не вернусь! Разбирайтесь тут со сватами как хотите!

– Ладно, ладно! – замахала руками Хида. – Пат к тебе свататься собрался!

– Пат?! – Тамея от ужаса вытаращила глаза.

Пат был сыном охотника Сурта. В деревне по старинному обычаю каждая семья занималась одним делом: охотой, рыбной ловлей или земледелием. Отцы обучали сыновей, матери дочерей, и сын охотника, с малых лет отправляясь с отцом в лес, непременно должен был стать охотником. С Патом все вышло иначе. Рано оставшись без матери, он рос слабым, плаксивым и трусливым мальчиком. Сурт, человек суровый и жесткий, очень долго бился, пытаясь сделать из сына настоящего охотника, но в конце концов потерял терпение и махнул на Пата рукой. Пат пробовал сеять пшеницу и выращивать овощи, с пастухами ходил пасти дадан, сбивал масло, стоял на раздаче молока, но отовсюду его гнали, как совершенно неспособного ученика. В результате Пат остался не у дел и целыми днями либо сидел дома, либо бродил в окрестностях деревни. Он ни с кем не дружил, сородичи посмеивались над ним, и лишь Тамея из жалости иногда заговаривала с парнем. Только теперь она поняла, как опрометчиво поступала! Ее жалость Пат, вероятно, принял за проявление интереса. Тамея представила, что будет, если она выйдет замуж за Пата, и снова ужаснулась. Он – худенький, маленького роста, с бледным лицом, Тамея, напротив, очень высокая, крупная и рядом с Патом выглядела бы просто уморительно.

Внешность с раннего детства доставляла Тамее неприятности. Непонятно, в кого она уродилась с оранжевыми волосами и оранжевыми глазами. И хотя оранжевая радужка в сочетании с черным зрачком и черным ободком вокруг радужки смотрелась довольно красиво, Тамею с детства дразнили либо яйцом татки, либо яйцеглазкой. Когда Тамея подросла и оказалась выше всех сверстниц, ее стали обзывать даданой. И несмотря на то что к даданам, красивым и гордым животным, покрытым ярко-оранжевой шерстью, хуттинцы относились с любовью и уважением, Тамее все равно было обидно. А если ко всему прочему она еще выйдет замуж за самого бесполезного человека в деревне? Старейшина Луд однажды сказал, что родиться с оранжевыми волосами и глазами – большая удача. Это значит, что Тамею ждет необыкновенная и счастливая судьба. Конечно, выйти замуж за Пата – это

необычно, он в деревне один такой. Только счастьем это никак не назовешь. Вот вам и аромат пупырышника!

– Мама! – закричала Тамея и бухнулась на колени. – Умоляю, не отдавайте меня за Пата! Я лучше утоплюсь!

В порыве отчаяния она на коленях подползла к матери и, обняв ее, разразилась бурными слезами. Хида, хрупкая женщина с черными, седеющими на висках волосами, нежно погладила дочь по голове:

– Ну не плачь, глупышка! Неужто ты думаешь, что мы могли бы отдать тебя за такое ничтожество, как Пат?

– Значит, – Тамея громко хлюпнула вмиг покрасневшим носом, – сваты не придут?

– Придут. Но мы им откажем.

Тут из комнаты показалась заспанная Лавидия. Увидев сестру на коленях возле матери, она испуганно уставилась на обеих.

– Видишь, Лав, – притворно вздохнув, сказала Хида, – наша Тамея замуж собралась. За Пата!

– За Пата?! – взвизгнула Лавидия.

– Да шучу, шучу! – рассмеялась Хида.

– Фу, – облегченно выдохнула Лавидия. – Чем замуж за Пата, лучше удавиться! Я бы...

Вдруг заметив лепешки, она с хитрой улыбкой подобралась к столу и протянула руку. Хида строго посмотрела на дочерей.

– Молоко скоро будет! – Тамея сняла с полки новый кувшин и выскочила на улицу.

– Только аккуратней, – крикнула ей вслед мать, – а то посуды не напасешься с вашими женихами!

Деревушка Хутти обосновалась в необычайно живописном месте. С западной стороны к ней вплотную подступал нежно-зеленый лес. С восточной – расстился луг. К югу от деревни раскинулось пшеничное поле, а в северной части за широкой полосой высокого кустарника неспешно несла свои изумрудные воды глубокая река Харла.

Дома в деревне стояли в три ряда, образуя две улочки. Огороды обносились изгородями, увитыми перепуткой – растением с красными цветками. Скота, кроме общего стада дадан, не держали, а разводили лишь домашних птиц с ярким сиреневым оперением – таток. Татки несли крупные оранжевые яйца. Каждое утро хозяйки кормили птиц их любимым лакомством – хлебом, размоченным в кислом молоке. Считалось, что от такой пищи яйца таток становятся особенно вкусными.

Тамея побежала по утоптанной дорожке к калитке. День обещал быть жарким. В сочной траве и по верхушкам изгородей прыгали крохотные птички чичики. В соседнем дворе жена пахаря Корта громко отчитывала за какую-то проказу маленького сынишку. Вдруг за высокими кустами синельника раздалось густое покашливание. Тамея остановилась.

– Пусть праздник, отец! – как никогда ласково произнесла она.

Мать, конечно, обещала, что замуж за Пата ее не отдадут, но если отец решит по-другому, то Тамею уже ничто не спасет.

– Пусть! – донеслось из-за кустов, где Перлас мастерил деревянную куклу для маленькой дочери пахаря Рула.

Перлас был столяром. Он делал столы, лавки, кровати и многое другое, что требовалось жителям деревни. Когда появлялась новая семья, дом для нее строили сообща, благо в древесине недостатка не было.

Тамея секунду размышляла: стоит ли подойти к отцу и сказать что-нибудь приятное? Но тут из дома с чашкой в руках показалась мать. Татки бросили копаться в земле и вприпрыжку понеслись к ней.

– Ты еще здесь? – Хида изобразила сильное возмущение.

Тамея не менее резво, чем до этого татки, припустила к калитке. На улице, прислонившись к изгороди и обняв пустой кувшин, ее ждала Рока. Тамея, не заметив подругу, ринулась было к дому напротив, где жила Рока, но та вовремя окликнула ее.

– Ты чего так долго? – набросилась Рока на подругу. – Моя бабушка уже изворчалась.

Рока и Тамея подружились еще в раннем детстве и с тех пор все свободное время проводили вместе. Рока, худенькая девушка с длинной черной косой, одетая неизменно в коричневую тунику и короткие коричневые штаны, ростом доходила Тамее до плеча. Она рано осталась без матери, вырастила и воспитала ее бабушка Онсида, Великая Соха. «Великая Соха» – так в деревне уважительно величали женщину, которая знала все о волшебной силе растений и могла ее использовать. Онсида лечила разные болезни, при необходимости могла вызвать дождь, остановить пургу и, как утверждали местные девушки, умела ворожить на любовь, но не делала этого исключительно из вредности. Она же совершала свадебные обряды и обряды похорон.

Онсида свято хранила свои секреты, ее преемницей должна была стать внучка Рока. Девочку называли Рокалией, что означает «мудрая», в надежде, что она не только переймет знания и опыт бабушки, но со временем и превзойдет свою наставницу. Ради этой благой цели Онсида в течение последних трех лет ежедневно с утра и до обеда вбивала в голову внучки рецепты настоек и мазей, заставляла выучивать длинные «пришептывания» и зубрить названия растений. Пришептываниями назывались подобранные в строгом порядке фразы, которые следовало произносить очень тихо при совершении какого-либо обряда. В деревнях Сохи были единственными, кто знал грамоту, умел читать и писать. Однако Рока, несмотря на все старания бабушки, особого рвения, видимых успехов и уж тем более великой мудрости выказывать не спешила.

Подруги побежали по пыльной дороге в противоположный конец улицы, где, торцом упираясь в лес, размещался просторный загон для дадан. Неожиданно Тамея резко остановилась и рукой преградила путь Роке. В том месте, куда они собирались ступить, из-под земли вырвалось рваное черное облако, пронеслось несколько метров вдоль дороги и снова скрылось под землей.

– Фу, опять эта жуть! – поежилась Рока, проводив облако хмурым взглядом.

В этих зловещих клочьях, сотканных словно из мрака, заключалась какая-то особенная сила. От одного взгляда на них в душе поднималась мучительная тоска и страх. Черное облако всегда появлялось неожиданно и так же стремительно пропадало. Жители деревень Хутти, Тохта и Сохота называли его лохмотьями ведьмы. Из поколения в поколение передавалась легенда о злой колдунье, которую в стародавние времена закопали живьем в землю, разорвав на ней всю одежду. По поверью, клочья ее черного платья с тех пор ищут свою хозяйку под землей. Поговаривали, что, когда лохмотья соберутся и снова станут платьем, ведьма оживет и случится что-то ужасное, но что именно – никто сказать не мог. А пока деревенские жители старались обходить их стороной.

– Не представляешь, что сегодня произошло! Вернее, произойдет вечером! – тихо заговорила Тамея, когда они двинулись дальше.

– Ты о сватовстве Пата?

– Так ты уже знаешь?! – ахнула Тамея. – Выходит, вся деревня знает?

– А ты думала, что можно утаить такое от наших сплетниц?

– Нет, конечно, – вздохнула Тамея, – но я, похоже, узнала последней.

– Надеюсь, тебя не собираются отдать за него?

– Нет, мама сказала, что Пату откажут.

– И правильно! Парня, конечно, жалко, но быть его женой и жить в доме этого угрюмого Сурта я бы никому не пожелала, даже Дэвике!

– Вот увидишь, в деревне меня на смех поднимут из-за того, что Пат решил, будто годится мне в мужья. Получается, я не достойна никого лучше Пата. Разве Дал посватается к девушке, к которой уже сватался Пат?

– Уверена, Дал посватается к той, которую полюбит, – сказала Рока. – И неважно, кто там сватался до него.

Девушки не заметили, как подошли к загону. Он был пуст: днем даданы паслись на лугу. Их доили рано утром, перед тем как выгнать на пастбище, и вечером, когда стадо возвращалось в деревню. Неподалеку от загона на деревянном столе молочница Тутрен, полная белокожая женщина с розовыми щеками, разливала молоко из кожаных мешков по кувшинам. На этот раз возле стола вместо обычной очереди топталась лишь жена охотника Крима – Арда. Худощавая, с желтоватой, рано состарившейся кожей, Арда гордилась тем, что открыто говорила все, что думала. А не думала она ничего хорошего никогда и ни о ком. Тамея шумно выдохнула: вот уж кого бы она не хотела встретить сейчас, так это Арду!

Арда взяла из рук Тутрен наполненный кувшин, но уходить не спешила, а отошла в сторону и принялась бесцеремонно разглядывать Тамею.

– Пусть праздник! – сказала Тамея молочнице и протянула кувшин.

– Пусть! – на мгновение подняла золотистые глаза Тутрен.

– Вот смотрю я на тебя, Тамея, – заговорила вдруг Арда тонким дребезжащим голосом, – и думаю: хорошая из вас пара получится! Пат – жених тебе под стать!

Тамея не шевельнулась. Рока от возмущения вытаращила и без того огромные глаза.

– Конечно, хорошая! – продолжила Арда. – Кто же еще на тебе женится? Вон ты какая дылда! Рядом с такой женой любой парень точно недоросток. А Пату выбирать не приходится. Кто за него пойдет?

Рока наконец опомнилась.

– Проваливай, Арда! – буркнула она. – А то от твоей противной болтовни молоко скиснет.

– Дрянная девчонка! – взвизгнула Арда. – И из нее хотят сделать Великую Соху?

– Иди домой, – спокойно сказала ей Тутрен.

Арда, обиженно поджав губы, постояла еще немного, затем потопала, виляя костлявым задом, рассказывать всем встречным, какая гадкая теперешняя молодежь.

Обратно, несмотря на то что в обоих домах остывал завтрак, девушки не спешили.

– Что будешь делать до обеда? – поинтересовалась Рока.

– Пойду на речку, поплаваю с Руйкой, – сказала Тамея.

В деревне Хутти рыбной ловлей издавна занимались исключительно женщины, и все из-за того, что в реке неподалеку обитала водяная дива. Мужчины опасались ходить на реку. Если какой-нибудь бедолага приближался к воде, заслушавшись ее жалобным пением, то не успевал он и глазом моргнуть, как цепкие руки дивы уже навсегда утягивали его в темную глубину реки. Стройная, гибкая, с длинными золотистыми волосами, Руизра – так звали водяную диву – была похожа на женщину. Ее бронзовая кожа казалась теплой и шершавой, но стоило прикоснуться, как выяснялось, что она холодная и скользкая, как лед. Лицо у водяной дивы было почти человеческим, если не считать безгубого рта и круглых глаз с красными белками. Тамея давно подружилась с Руизрой, которая помогала ей ловить рыбу взамен на беседы и угощение. Руя во многом оставалась для девушки загадкой: она забывала все, что случилось с ней накануне, но порой сообщала такое, о чем и знать-то не могла.

– Мне бы тоже хотелось пойти с тобой, вместо того чтобы перебирать сухие листочки и корешки! Представь, я три дня искала в лесу корень горючки, два дня его сушила, да так, чтобы он ни в коем случае не пересох! – Рока очень похоже изобразила Онсиду, когда та втолковывала внучке, как важно точно следовать рецептуре. – А сегодня я должна растереть его в порошок, потом добавить цветы синельника, почки ветродуя и, пока бабушка не уснет, кипятить варево на медленном огне! И как ты думаешь, что из этого получится?

– Не знаю, – тряхнула головой Тамея.

– Средство от трещин на пятках! – Рока поморщилась. – Подумать только, мне уготовано всю жизнь заботиться о чьих-то потрескавшихся пятках и вспученных животах! Уж лучше один раз пережить сватовство Пата!

– Но зато ты станешь, как бабушка, самым уважаемым человеком в деревне после старейшины! – рассудила Тамея.

– Точно, я стану толстой, и у меня вырастут усики!

Подруги расхохотались, но тут же затихли, увидев, что старейшина Луд сидит на лавке, привалившись спиной к изгороди. Густые брови и нос с горбинкой придавали лицу старика суровое выражение, которому совсем не соответствовали его ясные веселые глаза. Старейшину любили, уважали и боялись. Когда-то Луд был охотником, теперь охотниками были два его сына, Эйд и Крим. Старейшина решал, когда и что сеять, сколько припасов делать на зиму, что и на какие товары обменять в городе. Он также улаживал споры. В особо сложных случаях Луд созывал Совет, состоявший из всего взрослого населения Хутти. А поскольку малышей матери всюду брали с собой, то на Совет собиралась вся деревня и в доме старейшины стоял такой гомон, что нельзя было что-либо разобрать. Поэтому чаще Луд интересовался только мнением Великой Сохи.

Девушки замедлили шаг. Старейшина сидел с закрытыми глазами, подставив лицо солнечным лучам, и, казалось, дремал. Тамея и Рока в нерешительности переглянулись: стоит ли здороваться и будить его?

– Пусть праздник, дети мои! – неожиданно приоткрыв один глаз, произнес Луд.

– Пусть, старейшина! – одновременно откликнулись Тамея и Рока.

– День будет хорошим, – сказал старейшина и закрыл глаз.

Тамея, не удержавшись, бросила взгляд во двор напротив: мирно гуляют татки, входная дверь распахнута, в проеме слегка колышется серое полотнище. Туна, жена Эйда, наверное, в доме, а больше там никого быть и не должно. Дал с отцом и младшим братом с раннего утра в лесу. Тамея поспешно отвернулась и тут же увидела Дэвику и Аггу.

– И с чего старейшина взял, что день будет хорошим? – тихонько проворчала она.

Дэвике тоже нравился Дал, и из-за этого девушки не ладили. Дэвика считала себя первой красавицей в деревне. Невысокая, стройная, она носила синюю тунику и черные штаны. В деревне судачили, что Дэвика мучает сестру, заставляя каждое утро плести ей косы. Однако Агга Дэвику обожала и старалась во всем ей подражать.

Сестры остановились, растянув губы в ухмылке.

– Там, ты, случайно, не жениха своего ищешь? – спросила Дэвика, обменявшись с Аггой насмешливым взглядом. – Так он сейчас вон откуда за вами подглядывает!

Рока и Тамея обернулись: за изгородью мелькнула тень.

– У Там нет жениха! – буркнула Рока.

– А как же Пат? – притворно изумилась Дэвика. – Там, не дергай носом, другого жениха тебе не видать!

– А тебе даже такого не видать! – бросила через плечо Рока.

Дэвика под хихиканье сестры прокричала вслед еще что-то, но подружки больше не слушали. Возле калитки стояла Онсида, и Роке это ничего хорошего не сулило. Девушки сильно прибавили шаг, делая вид, что именно в таком темпе и шли всю дорогу.

– Пусть праздник! – вежливо поприветствовала Тамея бабушку Роки.

– Пусть! – отозвалась Великая Соха.

– Ты уже, наверное, заждалась, бабушка? – ласково пролепетала Рока и, кивнув подруге, юркнула во двор.

Онсида поправила свой широкий пояс, на котором висели бесчисленные мешочки с сушеными травами и корешками, и отправилась вслед за внучкой.

Когда Тамея возвратилась домой, вся семья уже сидела за столом.

– Ой, отец, смотри, твоя дочь вернулась! – сделав удивленно-радостное лицо, воскликнула Хида. – Мы уже не чаяли тебя снова увидеть!

Тамея с виноватым видом поставила кувшин на стол и опустилась на свое место. Лавидия, не в силах больше терпеть, схватила остывшую лепешку.

– Ладно, мать, – миролюбиво пробасил Перлас, – не ругай Там. Все-таки не каждый день она замуж собирается.

– Отец! – выдохнула Тамея и закашлялась.

– А чего ты хотела? – накинулась на нее Хида. – Лепешки стынут, семья голодная, а ты гуляешь! Мы решили, что тебе не мешало бы научиться заботиться о других, вот и будешь опекать Пата, благо он совершенно беспомощный.

После этих слов Тамея решила упасть в обморок. Она закатила глаза и стала клониться в сторону Лав, но быстро сообразив, что может придавить сестру, повалилась в другую сторону. Мать и отец с интересом наблюдали за ней, но с места не двигались. Лавидия вскочила с лавки и подхватила голову Тамеи.

– Не бойся, они шутят! Шутят! – зашептала она сестре, энергично подмигивая.

Тамея выпрямилась.

– Ну что, полегчало? – насмешливо осведомилась мать.

Тамея вздохнула и взяла лепешку.

После завтрака Хида подвязывала в огороде стебли радужника. Это нежное растение, усыпанное весной невзрачными белыми цветочками, к середине лета вдруг обрастало крупными плодами, разными по цвету, но одинаковыми на вкус. Лавидия помогала матери, отыскивая палки нужной толщины. Перлас снова уселся за кустом синельника доделывать куклу.

Тамея поспешила на реку, прихватив угощение для водяной дивы. По дороге она заглянула к Роке. Во дворе было пусто, вероятно, подруга корпела над мазью для пяток. Обогнув дом, Тамея вышла на тропинку, спускавшуюся к реке. Солнце уже припекало. В голубом небе ни облачка. Тамея с удовольствием шлепала босыми ногами по теплой живой земле. С двух сторон к тропе вплотную подступали кусты капельника, образуя длинный коридор. Капельником растение прозвали из-за пузырьков, появляющихся на его широких листьях в результате кропотливой работы маленьких насекомых. На солнце пузырьки блестели подобно капелькам воды.

Тропинка виляла то вправо, то влево, потом вдруг обрывалась, выводя к каменистому берегу. Далеко за рекой большим полукругом растянулась высокая каменная стена, за которой виднелись башни с оконцами. Это был город Тмирос. Город странных и чуждых людей. Тамея знала о городах лишь понаслышке. Деревня Хутти находилась на пути между городами Наллеха и Тмирос, причем хуттинцы считались подданными Оргорона, правителя Наллехи. Деревенские ездили иногда в Наллеху на базар, а возвращаясь, рассказывали об огромных домах, где люди живут друг над другом, о длинных, как река, улицах, о лошадях, которых в деревне никогда не видывали, и о многом другом – увлекательном и непонятном. Тамея мечтала попасть в Наллеху, но женщин в такие походы не брали. Жители Тмироса никогда не подходили близко к деревне, рыбачили возле своего берега, передвигаясь по реке на больших деревянных лодках. Издалека Тамея не могла разглядеть их как следует, но видела, что они очень высокие, носят длинные штаны и коротко обрезают волосы. Правда, однажды, плавая в глубине с Руизрой, она нечаянно вынырнула рядом с лодкой, оттуда на нее глянули свирепые красные глаза и обнажился ряд огромных белых зубов. Больше Тамея ничего разглядеть не успела – она в ужасе бросилась к своему берегу.

Осторожно ступая босыми ногами по серым неровным камням, среди которых пробивалась трава и низкорослые фиолетовые кусты ветродуя, Тамея спустилась к реке. Вдалеке покачивалась лодка с рыбаками из Тмироса. Тамея посмотрела на башни города, на стену с массивными воротами, жмурясь, подставила лицо солнцу. Затем положила узелок с угощением на камень, разделась и быстро вошла в воду. Вытянув руки, она резко оттолкнулась и нырнула. Тело с наслаждением выполняло привычные движения. Вода, пронизанная солнечными лучами до самого дна, сверкала, качая водоросли и планктон. Тамея коснулась дна ладонями и, перекувыркнувшись, стремительно вынырнула. Пока она шумно отфыркивалась, мотая головой, отчего вокруг разлетались фонтаны бриллиантовых брызг, рядом с ней неслышно всплыла

водяная дива.

– Пусть праздник, Руя! – весело крикнула Тамея.

– А что ты мне принесла вкусненького? – вместо приветствия спросила Руизра неожиданно приятным, очень высоким журчащим голосом.

– Как обычно, лепешку.

– Вот хорошо. – Руя растянула в улыбке щелку рта.

Подружки вышли на берег и устроились на плоских камнях, горячих от солнца. Тамея, развязав узелок, протянула лепешку Руизре. Водяная дива сорвала с куста большой зеленый лист и положила себе на голову.

– Чтобы не напекло, – пояснила она и взялась за еду: откусывала маленькие кусочки и глотала, не разжевав.

Тамея привыкла к чудачествам Руизры. То она отказывалась вылезать из воды на берег: дескать, от запаха ветродуя ее кожа приобретает неприятный синий оттенок, то, наоборот, принималась глотать почки того же ветродуя, уверяя, будто от них быстрее растут волосы. Сегодня Руя боялась, что ей напечет голову, хотя прежде могла часами лежать под палящими лучами. Тамея жалела водяную подругу – более одинокого существа ей видеть не доводилось. Руя всегда жила одна, никогда не покидала своей речной заводи, и никто из ее народа не навещал бедняжку. Она уверяла, что однажды к ней придет суженый и у нее будет настоящая семья. Но вот только когда это произойдет? Водяная дива ждала и от скуки сочиняла немыслимые истории о любви, в которых она была главной героиней.

– Сегодня мне пришло послание от Прика, – проглотив очередной кусочек лепешки, сообщила Руя. – Помнишь, он влюбился в меня еще прошлой осенью?

– Помню, – соврала Тамея.

Поначалу, когда девушка только познакомилась с водяной дивой, она внимательно выслушивала все ее рассказы, но со временем поняла, что в

историях Руи нет ни капли правды. Да и истории слово в слово повторяли друг друга, менялись лишь имена воздыхателей. С тех пор Тамея перестала слушать Рую, а под дивный журчащий звук ее голоса думала о своем или просто любовалась окрестностями. Благо Руя могла говорить часами, ни о чем не спрашивая, а если и спрашивала вдруг, то довольствовалась ответами типа: «Да!» или «Конечно!».

Вот и сейчас Тамея сидела рядом с подругой, наблюдала за рыбаками из Тмироса, а мысли ее были далеко. Она и жалела Пата и одновременно злилась на него. Невелика беда, что она стала посмешищем для деревенских болтушек. Но как же Пат не понимает, что обрекает себя на унижения? «Дурачок! – с горечью думала Тамея. – У него совсем нет друзей, а теперь даже я не взгляну в его сторону».

Рыбаки из Тмироса причалили к противоположному берегу. Один из них соскочил с носа лодки и, уцепившись двумя руками за борт, вытащил ее из воды почти наполовину. Другой поднялся в лодке в полный рост и, подхватив огромный куль, вероятно сеть с рыбой, передал его товарищу. Первый рыбак взял весла, закинул куль на плечо и, согнувшись под его тяжестью, двинулся к воротам в стене. Второй вытянул лодку на берег, перевернул ее днищем вверх и тоже зашагал в город. Когда рыбаки приблизились к крепостной стене, кто-то невидимый открыл им ворота. Тамея наблюдала, как люди исчезли в проеме и ворота закрылись.

– Я и говорю: «Извини, ты не мой суженый, я никогда не смогу тебя полюбить!» Как ты думаешь, я правильно поступила? – долетели до Тамеи слова Руи.

– Да-да! Конечно! – поспешно ответила она и снова погрузилась в свои мысли.

«Рассказать Руе про Пата или не стоит? – размышляла Тамея. – Поймет ли она меня?» Водяная дива сидела на камешке, притянув колени к груди, и говорила, говорила, иногда разводя длинные руки в стороны и растопыривая пальцы. Она глядела то на реку, то на Тамею, моргая круглыми глазищами, то вдруг чему-то улыбалась. Тамея старалась не думать о том, как ее подружка некрасива. Листок давно свалился с головы Руи, но она этого не замечала. Тамея смотрела ей в лицо, и жалость теперь уже к речной подружке давила горло: бедная, одинокая, надоедливая девочка!

– Ладно, мне пора, – ласково сказала Тамея и принялась одеваться. – Я вечером зайду, если получится.

– А чем это ты так занята? – удивилась водяная дива.

После обеда, скорее всего, Тамее придется помогать матери готовить «праздничный» ужин. Отказ отказом, а хорошенько накормить сватов они обязаны.

– Да есть кое-какие дела, – пробормотала она.

Руя вдруг поднялась и пошлепала к воде. «Обиделась, что ли?» – недоуменно пожала плечами Тамея.

Она уже ступила на тропинку, проложенную меж кустов капельника, как вдруг со стороны реки до нее донеслись протяжные мелодичные звуки.

– Не может быть! – Тамея ринулась обратно.

На берегу она огляделась. Жалобное и очень красивое пение доносилось с той стороны, где капельник подходил к реке почти вплотную. Тамея кинулась на звук. Обогнув кусты, выскочила на узкий пятачок, скрытый от посторонних глаз. У берега по щиколотку в воде стояла Руя и пела, манила к себе Нуама, сына молочницы Тутрен. Завороженный мальчик, вытаращив глаза на обнаженное тело водяной дивы, шаг за шагом приближался к реке.

– Руя! – гневно крикнула Тамея. – Что ты делаешь? Он совсем еще ребенок!

Руя и Нуам вздрогнули и, как по команде, обернулись.

– Марш домой! – велела Тамея мальчику. – Вот расскажу твоей матери, где ты бродишь!

Нуам шмыгнул в кусты.

– Руя! – Тамея была в ярости. – Ты же обещала!

– Да не сделала бы я ему ничего! – раздраженно процедила дива.

– Откуда бы мы это узнали? Мы бы его просто не нашли! Больше никогда не принесу тебе лепешек!

Тамея быстро зашагала вдоль реки.

– Поверить не могу! – кипела она по дороге, размахивая руками. –
Отвратительная, кровожадная рыбина!

На деревенских улицах было оживленно: возвратились охотники с добычей, и хозяйки, перекликаясь, спешили получить свежее мясо на ужин. Тамея вмиг забыла о проделках Руи. Вернулся Далан, и мир заискрился. Как пусто было без него в деревне. А сейчас она может случайно встретиться с ним, переброситься взглядом, улыбкой. И ничего важнее этого в жизни нет.

Перлас все еще сидел за кустами синельника. «Неужели до сих пор возится с куклой?» – удивилась Тамея и тихонько подобралась к отцу. Оказалось, Перлас спал, уронив голову на грудь. Тамея усмехнулась: то-то отцу попало бы, если б его увидела Хида. Стараясь не шуметь, она обогнула кусты. Из-под крышки большого горшка на очаге струился слабый аромат. Тамея наклонилась и принялась. Пшеничная каша! Впрочем, она была так голодна, что уже от вида горшка у нее потекли слюнки. Войдя в кухню, она несколько секунд стояла, приглядываясь: после яркого солнца в доме казалось темно, как в погребе.

– Где ты ходишь? – раздался голос Хиды.

Мать у себя в комнате разглядывала вынутое из сундука голубое платье, которое надевала только по праздникам.

– Охотники вернулись. Сходи к Эйду, возьми мяса для ужина. Кстати, как ты думаешь, я еще могу влезть в это платье? Мне кажется, я располнела.

У Тамеи перехватило горло. Она всегда с радостью ходила к отцу Далана, но только не сегодня! Прийти к Далу в дом и попросить мяса, чтобы приготовить ужин для сватов Пата?! Ни за что! Она умрет на месте от стыда!

– Мама, – стараясь не выдать своего волнения, произнесла Тамея, – пусть Лав сходит. Я ногу подвернула.

– Где болит?

Изобразив невероятные муки, Тамея проковыляла к лавке и ткнула в щиколотку. Пока мать быстро ощупывала ее ногу, Тамея стонала, морщилась и кусала губы. Наконец Хида выпрямилась и в упор посмотрела ей в глаза. Вздохнув, Тамея отвела взгляд.

– Может, Лав все-таки сходит? – умоляюще спросила она.

– Лав на улице, разве ж ее найдешь? А Эйду, поди, уже ждет.

– Ну, может, у кого-нибудь другого взять? – робко предложила Тамея.

– У кого? У Сурта? – ухмыльнулась Хида. – Или у Крима? Арда рада будет тебя видеть!

– Ладно. – С удрученным видом Тамея поднялась и вышла из комнаты.

– Там, будешь мимо идти, посмотри, отец не заснул ли, – донеслось ей вслед.

Во дворе Тамея легонько тронула отца за плечо. Перлас выпрямился и, словно не он только что безмятежно храпел, принялся внимательно разглядывать поделку, всем своим видом показывая, как он сосредоточенно работает.

– Не хочешь сходить к Эйду за мясом? – без особой надежды спросила Тамея.

– Мне бы куклу доделать, скоро дочка Рула за ней прибежит. – Перлас улыбнулся сквозь густые усы и снова склонился над работой.

Тамея не стала больше просить – не ровен час отец догадается, почему ей не хочется идти к Эйду. Неприятностей у нее и так хоть отбавляй, доставало еще родительских усмешек и лукавых намеков! Она потопталась немного в нерешительности и пошла к Роке. Может, подруга составит ей компанию?

Рока с Онсидой сидели за столом и черпали деревянными ложками похлебку из глиняного горшка. Дом Великой Сохи сильно отличался от других домов в деревне. Помимо обеденного стола на кухне стоял еще один высокий и длинный стол, заставленный бесчисленным множеством горшков, ступок с пестиками, чашек, плошек и еще какими-то предметами, о назначении которых Тамея не имела ни малейшего представления. Стены, увешанные связками засушенных растений, гирляндами плодов и корней, источали благоухание. Казалось, сам воздух в доме Великой Сохи был пропитан волшебством, наполнен чем-то чарующим и необъяснимым.

– Садись с нами обедать, – предложила Онсида.

Рока достала с полки запасную ложку. По правилам гостеприимства Тамея обязана была хоть что-нибудь съесть, иначе она обидела бы хозяев. Тамея села на лавку рядом с подругой и запустила ложку в горшок. Онсида пододвинула к ней поближе тарелку с лепешками.

Мудрая Онсида не спрашивала, что привело Тамею в ее дом. Она ласково улыбалась торопливо жующим подругам и делала вид, будто не замечает взглядов, которыми они украдкой обменивались. За все время Онсида не произнесла ни слова. Великая Соха всегда отличалась чрезвычайной сдержанностью в речах. В деревне говорили, что она сильно изменилась после того, как пропала ее единственная дочь, мать Роки. Рока была еще совсем малышкой, когда однажды ночью Турия ушла из дома и больше не вернулась. Ее долго искали, но она как сквозь землю провалилась. Отец Роки Ульбан был пахарем из соседнего села. Когда надежды, что жена найдется, не осталось, он возвратился в родные места. С тех пор Року опекала бабушка, заодно обучая ее искусству Великой Сохи. Вскоре Ульбан обзавелся новой семьей. Рока виделась с ним в прошлом году, когда ездила в деревню Тохта на Праздник поясов, но до конца простить его так и не смогла. Впрочем, она слишком мало думала об отце, чтобы ощущать обиду.

Покончив с похлебкой, подружки вопросительно уставились на Онсиду. Соха величаво качнула головой, и девушки выбежали во двор.

– Ну, что у тебя? – Рока, слюнявя палец, терла пятно на тунике, которое посадила из-за спешки.

– Сходи со мной к Эйду. Если встречу Дала, сгорю от стыда! – Тамея умоляюще приложила руки к груди.

Всю дорогу Рока подтрунивала над подругой, пыталась ее ободрить. У калитки девушки остановились. Дал умывался во дворе, Туна поливала ему из большого кувшина.

– Ты, наверное, за мясом? – заметив Тамею, спросила Туна.

– Да, – набрав полную грудь воздуха, ответила девушка.

– Мать, ты иди. – Дал вытер лицо и протянул Туне полотенце.

Подхватив птицу за лапы, он подошел и оперся на изгородь. Тамея подняла на него глаза и почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Дал был одного роста с Тамеей, но при этом так могуч и крепок, что она ощущала себя рядом с ним кустиком ветродуя. Смуглый, темноволосый, с белоснежной улыбкой и вечно смеющимися янтарными глазами, Дал, как свято верила Тамея, мог свести с ума любую девушку.

– Это вы для гостей? – Дал не спешил отдавать дичь. – Значит, осенью свадьба?

Чтобы скрыть волнение, Тамея мяла в руках красный цветочек.

– Пату откажут! – выпалила Рока.

– Вот и хорошо! – Дал улыбнулся. – А то уж я испугался, на ком же мне тогда жениться?

У Тамеи в голове лихорадочно заплясали мысли: что это? намек или насмешка?

– А ты женись на мне! – раздался рядом задорный голос.

Тамея и Рока обернулись. Дэвика игриво помахала кончиком своей косы, за ее спиной хихикала Агга.

– А что, ты какая-то особенная? – озорно поинтересовался Дал.

– Конечно, я не похожа на дадану, – чуть смутившись, сказала Дэвика.

Агга залилась смехом.

– Да ты похожа на троха. Такая же маленькая и черная! – тут же нашлась Рока.

Трохи – существа размером с мужскую ладонь – приходились дальними родственниками горным троллям. Покрытые темно-коричневой шерстью, с маленькой головкой, короткими кривыми ножками и длинными руками, они были очень глупыми и злыми. Трохи водились в лесу, но, когда полчища этих тварей совершали набег на поле, вся работа пахарей шла насмарку и приходилось заново сеять пшеницу. Забравшись в дом, трохи пожирали запасы провизии, разбивали посуду, гадили на белье. Ни в коем случае нельзя было оставить в доме на ночь ни одного троха: он запросто мог передушить во сне всю семью.

– Смотри, Дал, женишься на Дэвике, а она ночью возьмет и удавит тебя! – добавила Рока.

На этот раз хохотали все, кроме Дэвики. Агга под яростным взглядом сестры изо всех сил делала вид, будто закашлялась.

– А я тебя, Рока, позову, чтобы ты краснянкой обкурила мне дом! – подлил масла в огонь Дал.

От трохов было только одно спасение – дым от сухих веток краснянки. От этого дыма трохи хоть и не дохли, но бежали в лес сломя голову и долго не решались показываться в деревне.

– Нам пора. – Тамея протянула руку за дичью.

Ей очень хотелось побыть с Далом подольше, но так она обрекла бы себя на еще большие насмешки Дэвики и Аггы. В другое время Тамея не уступила бы сестрам в колкостях, но сегодня она была смущена и растеряна. Отдавая птицу, Дал на мгновение задержал ее руку в своей.

– Удачи тебе! – Его глаза, по обыкновению, искрились радостью. – И смотри, не передумай! Пат не заслуживает такой девушки!

Высвободив руку, Тамея торопливо отвернулась: не допусти, Солнце, чтобы он догадался, какую бурю вызвал в ее душе!

Подруги не спешили бы расходиться по домам, если бы у калитки Тамею не встречала разгневанная мать.

– Там, где ты бродишь? – накинулась Хида на дочь. – Мы не можем каждый раз есть холодную еду! Обедать будешь одна!

– Хорошо, что вы меня не ждали. Я поела у Роки, – улыбнулась Тамея.

Хида, ошипав и выпотрошив хуру, положила ее в большой казан, засыпала нарезанными овощами, залила водой и поставила на огонь. Потом велела дочерям готовить дом к приходу гостей. Лавидия подмела пол, Тамея воткнула в подставки новые пучки солнечника, чтобы зажечь их, когда стемнеет. Подсушенные стебли этого растения горели ярко, без запаха и дыма. Большими связками солнечника, прикрепленными к столбам, освещались и улицы деревни.

Церемония сватовства была простой. В дом будущей невесты приходили отец и мать юноши и его ближайший друг. Встречали сватов всем семейством. Жених и невеста надевали подаренные друг другу пояса. Сваты являлись без гостинцев, не произносили пышных речей и делали вид, будто заглянули в дом мимоходом. Хозяева приглашали гостей к столу. За угощением отец юноши как бы невзначай говорил: «Наши дети перепутали пояса, не хотите ли вернуть наш пояс?» Таким образом он спрашивал согласия родителей на брак, и, если родители были согласны, мать невесты отвечала: «Ваш пояс подходит нашей дочери!» После этого застолье продолжалось, а о предстоящей свадьбе не говорили до осени. Все свадьбы в деревне игрались одновременно, после того, как заканчивалась пора заготовок. Если родителям невесты жених не нравился, то гостей встречала девушка без пояса, а ее отец возвращал матери юноши подаренный им пояс. Но обычно в таких случаях дело до сватовства не доходило, а мать девушки просто относила пояс в дом несостоявшегося жениха.

Пат никакого пояса Тамее не дарил, да его, скорее всего, у парня и не было. По обычаям деревни каждая девушка должна была собственноручно сшить и

украсить свой пояс, а молодым людям пояса шили матери. Но Пат рос без матери.

Когда огонь в очаге погас, Хида расстелила на столе огромный зеленый лист и выложила на него ароматное мясо с овощами. Переодевшись в нарядную одежду, семья уселась рядом на лавку поджидать гостей. Вскоре крыльцо скрипнуло под тяжелыми шагами, и в дом вошел высокий седой мужчина с угрюмым лицом. Хозяева поднялись с лавки.

– Пусть праздник, Сурт! – по обычаю первым приветствовал гостя Глава семьи.

– Пусть! – хмуро отозвался Сурт.

Он пришел один.

– Садись с нами ужинать, – пригласила Хида.

Сурт сел на лавку и без всяких церемоний спросил:

– Отдадите Тамею за Пата?

Хида и Перлас в замешательстве переглянулись, Тамея покраснела и опустила глаза.

– Попробуй мяса, Сурт, – вместо ответа предложила Хида.

Сурт оторвал маленький кусочек хуры, прожевал и снова вопросительно уставился на хозяев.

– Сурт, ты только не подумай ничего плохого, – извиняющимся тоном произнесла Хида.

– Ладно, пойду я. – Гость тяжело поднялся. – А Пату я так и говорил, да только он слушать не хотел.

Хозяева, проводив Сурта виноватым взглядом, застыли в тягостном молчании.

– Жаль его, – вздохнула Хида и первой потянулась к мясу. – Жена была непутевая, и сын непутевый!

– А почему у него жена была непутевая? – с любопытством спросила Лавидия.

– Рано тебе об этом знать! – прикрикнула на нее мать.

Глава 2

Исчезновение Пата

После ужина Тамея отправилась гулять. Солнце клонилось к закату, расцвечивая небо розовыми бликами. Земля, нагретая за день, казалась теплее воздуха. Деревня привычно бурлила: где-то визжали и смеялись дети, громко спорили молочница Берония и жена пахаря Рула – Лека, в загоне протяжно мычали даданы.

Тамея, не заходя в дом, окликнула Року с улицы. Подруга выскочила на крыльцо, поспешно повязывая на лоб синюю ленту.

– Зачем тебе это? – удивилась Тамея.

– Отойдем подальше! – с таинственным видом шепнула Рока.

Ноги сами собой понесли их к реке. Рока всю дорогу возбужденно тараторила:

– Ты не представляешь, что я изобрела! Нам не будет равных на Празднике поясов! А как прошло сватовство? Пату отказали?

– Отказали, – не желая вдаваться в подробности, проговорила Тамея.

– И правда, зачем я спрашиваю?

На берегу девушки уселись на еще не остывшие камни. Тамея оглядела водную гладь – Руи нигде не было видно. За рекой высилась черная громада Тмироса, четкие силуэты его башен вонзались в небо на горизонте.

– Слушай, – начала Рока, – я придумала краску! Розовую, блестящую! Смотри!

Она развязала ленту, под которой оказалось пятно розового цвета.

– Посмотри получше! – потребовала Рока, подставляя лоб Тамее. – Видишь, как она переливается? И это вечером, а ты бы видела, как она сияет на солнце!

– Думаешь, если мы выкрасим себе лбы в розовый цвет, это будет красиво? – усомнилась Тамея.

– Ну почему лбы? – нетерпеливо воскликнула Рока. – Ты только представь наши розовые губы и щеки! Дэвика и Агга удавятся от зависти!

Волнение подруги передалось Тамее. Пожалуй, эта краска действительно может сделать из них первых красавиц не только Хутти, но и Тохты и Сохоты!

– А сейчас-то ты почему лоб выкрасила, а не губы или щеки?

– Да бабушка заставила, – отмахнулась Рока.

– Зачем? – изумилась Тамея.

– А кто ее знает? Но это не важно! Главное, что твой Дал не сможет глаз от тебя отвести!

– А твой Торин от тебя, – улыбнувшись, добавила Тамея. – Слушай, а разве у тебя есть это стекло? Помнишь, Дэвике и Агге из Наллехи привозили такое необыкновенное стекло? Забыла, как называется. Они еще подрались из-за него и разбили.

– Зеркало, что ли?

– Ну да, зеркало! В воде ведь цвет не увидишь.

– Так я на бабушкиных пятках разглядела! Представь...

– Подожди, а зачем бабушка разрисовывала пятки твоей секретной краской? – округлила глаза Тамея.

– Ну, вообще-то, должна была получиться мазь от трещин, – нехотя пояснила Рока.

– Но тогда это уже никакой не секрет. Все увидят краску на пятках Онсиды.

– Не увидят, бабушка ее свела. А мне велела ходить так, пока я не получу настоящую мазь от трещин.

– Да, бабушка с тобой сурова, – посочувствовала Тамея.

Рока снова повязала лоб лентой.

– Ты не представляешь, как мне надоело варить эти бесконечные лепестки и корешки! – вздохнула она. – Однажды я нашла у бабушки книги, которые отдал Сурт...

– Сурт? – От удивления Тамея даже привстала с камня.

– Да, только это тайна! Книги принадлежали Рохайде, и Сурт не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Сколько там интересного написано! Например, про ветродуй. Оказывается, если сорвать с ветки третью почку, разжевать и положить под язык, а потом закрыть глаза и замереть, то обратишься в почку ветродуя. Стоит только пошевелиться, заговорить или открыть глаза, как тут же снова превратишься в себя. Только бабушка отобрала у меня эти книги и спрятала. – Рока вздохнула. – Говорит, ни к чему мне знать о сомнительных зельях.

– Наверное, это опасно, – сказала Тамея. – Превратишься в почку, а я тебя нечаянно раздавлю. А если мальчишки пронюхают, их же потом вообще не найдешь. Но когда-нибудь бабушка наверняка отдаст тебе эти книги, – заверила

она.

– Нет, не отдаст. – Рока махнула рукой. – Они же магические!

– Откуда у Рохайды магические книги? Разве она была колдуньей? – Тамея задумалась. – Странно, прошло столько лет, а в деревне так и не узнали, кто ее убил.

– В тот день, когда нашли ее тело, пропала моя мама. Говорят, что мама и Рохайда дружили, – тихо проговорила Рока и надолго замолчала.

Тамея пожалела, что завела этот разговор.

– Может, Рую позвать? – предложила она, чтобы отвлечь подругу от грустных мыслей. – Ты не слышала ее последнюю историю про Прика? Пусть расскажет, это очень интересно!

– Нехорошо смеяться над бедняжкой, – упрекнула Рока, однако губы ее растянулись в улыбке.

Тамея и в самом деле сделалось немного совестно, но ей так хотелось развеселить подругу! Она зашла по колено в реку и легонько пошлепала ладонью по воде. Через несколько секунд из воды показалась Руя.

– О, вы пришли! – обрадовалась она. – Что принесли?

– Руя, у нас были гости и съели все лепешки, – соврала Тамея. – Завтра обязательно принесу.

– А у тебя тоже были гости? – Руя посмотрела на Року.

– Да, у меня в гостях была Тамея и съела все до последней крошки. – Рока весело подмигнула подруге.

Они долго сидели у реки. Наблюдали, как заходило солнце, как по небу рассыпались звезды, как засветились окна на башнях Тмироса. Руя еще раз с удовольствием рассказала о домогательствах Прика.

Наконец, когда глаза Роки и Тамей стали слипаться, а Руя завела восьмую историю, удивительно похожую на предыдущие семь, девушки засобирались домой. Пробираться сквозь заросли капельника пришлось чуть ли не на ощупь. По всей деревне уже зажгли солнечник. Мягкий, уютный свет лился и из окон домов. Махнув друг другу на прощание, девушки разошлись в разные стороны. Тамея проскользнула в дом. На столе в кухне стоял кувшин, заботливо прикрытый тряпочкой. Тамея уже напилась молока, когда из-за занавески выглянула заспанная Хида.

– Пришла? – недовольно проворчала она. – Ну, ложись спать! Тебе завтра на работу!

Ночью Тамее снилась Харла. В реке, громко хохоча и отфыркиваясь, плескалась Онсида, а на берегу сидел Сурт. На его плечо вскарабкался толстый трох и все пытался схватить Сурта за шею. Тамея хотела было предупредить Сурта об опасности, как вдруг он улыбнулся и показал пальцем на свои пятки. Они были ярко-розового цвета! «Это моя секретная краска!» – заговорщицки произнес Сурт. Тамея протянула руку к его плечу, чтобы стряхнуть троха, и тут трох заговорил человеческим голосом: «Там, проснись!»

Тамея с трудом открыла глаза. У кровати с пучком солнечника в руках стояла Хида. За окном была непроглядная тьма.

– Там, проснись! – Мать потрясла ее за плечо. – Вы сегодня вечером были на реке? Пата не видели? К нам Сурт пришел.

Тамея, почувствовав неладное, быстро вскочила и оделась. Во дворе, потупив голову, стоял Сурт. За оградой топтались Дэвика, Агга, Зайн и Торин.

– Пат по вечерам всегда дома сидит, – стараясь казаться спокойным, проговорил Сурт. – А сегодня он дождался, когда я вернусь от вас, и куда-то ушел. Дэвика и Агга видели, как он направлялся к реке. Уже полночь, а его все нет. Там, ты дружишь с водяной дивой, спроси ее, может, она что знает о Пате?

– Конечно, – сразу же согласилась Тамея. – Дайте мне факел!

Они поспешили за калитку. От своего дома, слегка прихрамывая, к ним торопился Луд.

– Надо разделиться, – сказал старейшина, подойдя ближе. – Девушки, ступайте к реке, поговорите с Руизрой и попробуйте поискать вдоль берега. Зайн, Торин – вы в лес, покричите там. Сурт, ты иди в поле и на луг. А я еще раз обойду деревню.

По тропинке Тамея шла первой, за ней едва поспевали Дэвика и Агга.

– Если бы ты не отказала, Пат бы не пропал! Наверняка его утопила твоя мокрохвостая подружка! – зло говорила в спину Тамее Дэвика.

– Заткнись! – на мгновение оглянувшись, прошипела Тамея.

– Подождите меня! – донесся до них крик, и из темноты выскочила запыхавшаяся Рока. – Я с вами!

Когда вышли к реке, Тамея, как обычно, похлопала ладонью по воде. Через некоторое время серебристая лунная дорожка покрылась рябью, и из воды высунулась голова Руи.

– Что случилось? – прожурчала водяная дива. – Вам срочно понадобилась рыба?

– Руя, у нас парень пропал! Ты его не видела? – сурово спросила Тамея.

– А что вы мне принесли?

– Я принесу тебе большую дубину, если ты сейчас же не ответишь!

– Да только в воде тебе ни за что меня не поймать! – развеселилась водяная дива.

Тамея попыталась успокоиться.

– Руя, – серьезно сказала она, – ты должна мне помочь, иначе я никогда больше не принесу тебе лепешек! И девушки не принесут! Правда?

– Правда! Правда! – в один голос подтвердили Дэвика, Агга и Рока.

– Был какой-то парень в реке, но сейчас его нет, – протянула Руизра.

– Ты его видела? – спросила Тамея.

– Мне не обязательно видеть, чтобы знать, что в воду кто-то заходил!

– Руя, признайся по-хорошему, ты его утопила? – Тамея почувствовала, как у нее похолодело в груди.

– Не трогала я его! – обиделась водяная дива.

Тамея повернулась к девушкам:

– Думаю, Руя не станет врать. Нужно поискать на берегу. Дэвика и Агга, идите в ту сторону. – Тамея указала вправо. – А мы с Рокой туда. – Она махнула влево.

Девушки разбрелись по берегу. Тамея и Рока выкрикали Пата, то и дело заглядывая в прибрежные кусты. Дойдя до того места, где кустарник переходил в настоящий лес, они повернули назад. Дэвика и Агга уже поджидали их. Руя побоялась выходить из реки.

– Нашли что-нибудь? – спросила Тамея.

– Ничего, – покачала головой Дэвика.

– Ступайте в деревню, может, там есть новости. А мы с Рокой еще поищем, – распорядилась Тамея.

– Если Пат нашелся, мы пришлем кого-нибудь сообщить вам! – крикнула Дэвика уже из зарослей капельника.

Подруги еще раз прошлись по берегу. Обоих бил озноб, но не от ночной прохлады, а от страха и предчувствия беды. Сестры приходили несколько раз. Вся деревня была поднята по тревоге, но Пата так и не нашли. Рассвет девушки встретили на берегу, сидя на привычном месте, тесно прижавшись друг к другу. Руя плескалась в воде неподалеку. Факелы давно погасли, но Рока и Тамея не решались уйти.

– Это я виновата! – твердила Тамея.

– Глупости! – возражала Рока. – Другим парням тоже отказывали, но никто не бежал топиться.

И только когда холодный серый туман окутал оба берега Харлы и подруги вконец продрогли, они поднялись с камней.

– Подождите! – остановил их возле кустов капельника крик Руи. – Идите сюда.

Тамея и Рока поспешно вернулись к воде. Из тумана выскользнула большая черная лодка. На корме сидел рыбак из Тмироса, а на носу, закутанный в темный плащ, ссутулился Пат. Рыбак остановил лодку. Пат рассеянно огляделся, скинул плащ и прыгнул в воду. Тмиросец тут же замахал веслами и растаял в тумане, а Пат, словно ничего не видя перед собой, побрел мимо девушек к кустам. Из глаз Тамеи брызнули слезы.

– Пат, – тихо позвала она.

Парень остановился и потухшими глазами посмотрел на нее.

– Что, ты передумала? – без надежды спросил он.

– Нет, но...

Он опустил голову и пошел дальше.

– Пат, подожди! – срывающимся голосом крикнула Тамея. – Я согласна!

Не оглядываясь, он махнул рукой и скрылся в зарослях капельника.

– Рока, ты свидетель. Я просилась к Пату в жены, он не взял, – пробормотала Тамея и вдруг затряслась – то ли от смеха, то ли от плача.

Сильное душевное напряжение сменилось приступом безудержного хохота вперемежку с бурными слезами. Рока растерянно смотрела на подругу и терла лоб. Только теперь она ощутила, как сильно чесалось секретное пятно, из нежно-розового превратившееся вдруг в зеленое с фиолетовыми разводами. Тамея увидела лоб Роки и зашлась в новом приступе хохота.

– Рока, мы обязательно намажемся твоей краской! Обязательно! – хрипела она, согнувшись пополам.

В деревне царило радостное возбуждение. Усталые, осунувшиеся лица хуттинцев то и дело озарялись улыбками. Во дворе Тамею поджидала Хида. Темные круги под глазами выдавали, сколько волнений пережила она за эту ночь. Ведь если бы Пат не объявился, винули бы их семью. Онсида в ожидании внучки стояла, опершись на калитку. Она казалась постаревшей на полвека.

– Иди домой. Я сведу пятно, – глухо сказала Соха, встретив Року.

– Бедная Онсида, – тихо пробормотала Хида, уверенная, что Тамея ее не слышит. – Нынешняя ночь напомнила ей время, когда так же искали Турию.

Тамею так и подмывало расспросить мать, что она знает об этом случае, но язык не ворочался от усталости, а ноги едва донесли ее до кровати. Спала Тамея на этот раз без снов, а в полдень ее разбудила Хида.

– Дочка, – ласково сказала она, – я знаю, что ты еще не отдохнула как следует, но деревне нужна рыба.

Глава 3

Предзнаменование

Тамея закинула сеть на спину и побрела к реке. Глаза от солнца болели и слезились. Над водой, сверкая серебристыми крылышками, носились тризики, легко колыхался ветродуй, и только брошенные на берегу факелы, как шрамы на коже, напоминали о минувшей ночи. Тамея подобрала их и зашвырнула далеко в кусты. На душе сразу стало легче. Раздевшись и подхватив сеть, она медленно вошла в воду. Не успела Тамея окунуться, как рядом возникла голова Руи.

– Что ты мне принесла? – спросила речная подруга.

– Ой, Руя, мы еще не завтракали! Мама печет лепешки, после обеда принесу. – Тамея вымучила улыбку.

– Но ты обещала! – раскапризничалась Руя.

– Говорю тебе: лепешек пока нет. Я сама еще ничего не ела! – Не выпавшись, Тамея чувствовала себя раздраженной. – Если не хочешь, можешь не помогать мне с рыбой!

Она забросила сеть, но замах получился слабым, и сеть плюхнулась совсем близко. Руя тут же бесшумно скользнула в глубину, и вскоре девушка вытащила из реки большой улов. На берегу она связала концы сети так, что получился огромный куль, перекинула его через плечо и понесла в деревню. Крупные рыбыны отчаянно бились у нее за спиной.

– Не забудь про лепешки! – донесся ей вслед истошный вопль Руи.

Тамея высыпала улов на траву у своего дома и, выбрав самую жирную рыбину, бросила ее в корыто с водой. Пока она развешивала сеть для просушки, почти всю рыбу, оставленную за оградой, уже разобрали хуттинские хозяйки.

– Ну что, Тамея, тебе на редкость повезло, – слышался вдруг дребезжащий голос. – А если бы Пат не вернулся, как бы ты людям в глаза смотрела? Глянь, какая краля выискалась, чуть парня не сгубила!

За изгородью, руки в боки, стояла Арда.

– Арда, ты почему рыбу у Дэвики и Агги не берешь? Зачем сюда притащилась? – недовольно спросила Тамея.

– К ним, конечно, ближе, только девчонки еще не вернулись. Им ведь не помогают, как некоторым! – Арда усмехнулась.

– Ты рыбу взяла? Вот и проваливай!

После обеда, завернув в широкий лист три лепешки, Тамея снова отправилась к реке. Счастью Руи не было предела. Тамея похлопала подругу по скользкому холодному плечу и улеглась спать в тень под кустами капельника. Руя пристроилась рядом и, глотая лепешки, принялась рассказывать историю, которую не успела закончить накануне. Под мелодичное журчание ее голоса Тамея спала долго и почти без снов. Только один раз ей привиделось, будто из реки выполз огромный полосатый червь и, уставившись на нее желтыми глазами, сказал: «Я люблю тебя, Руизра!» Тамея вздрогнула и проснулась.

– А я и говорю: «Жаль, но я не могу ответить на твое чувство. Тот, кого я полюблю, будет совершенно особенный!» – говорила водяная дива.

– Если ты будешь такой разборчивой, – потянувшись и зевнув, сказала Тамея, – останешься одна!

– А ты не боишься быть слишком разборчивой? – спросила Руя. – Или ты думаешь, я не поняла, почему вчера этот мальчик пришел топиться?

Тамея не ответила.

– Я его видела, – вдруг призналась Руя. – Но я его и пальцем не тронула! Парня выловили рыбаки из того города. – Руя указала на Тмирос. – Потом он попал к старику, высокому такому, с длинными белыми волосами и белой бородой. Он колдун.

– Колдун? – встрепенулась Тамея. – А добрый или злой?

– Не знаю.

– Главное – он не причинил вреда Пату, – задумчиво пробормотала она.

Сильный голод вынудил Тамею вернуться в деревню. В воздухе носились запахи тушеной, жареной и вареной рыбы. С пастбища, словно оранжевая река, величаво ступая и отмахиваясь хвостами от надоедливых насекомых, возвращались даданы. Впереди стада не менее величаво вышагивал старый пастух Берк. Позади, перекинув длинные прутья через плечо, брели братья Зайн и Шур, оба высокие и крепкие, с выгоревшими почти добела волосами.

– Пусть праздник, Там! – завидев ее, хором поздоровались юноши. – Придешь вечером на плешь?

Плешью в деревне называли пустырь за околицей, где устраивались танцы под незатейливые мелодии, которые наигрывал на дудочке Шур.

– Обязательно придем! – Из-за кустов морщиницы показалось веселое лицо Роки. На ее лбу виднелся бледно-зеленый контур сведенного пятна.

– Я зайду за тобой, – бросила Тамея подруге и поспешила домой.

Хида подала восхитительную рыбу, которую запекла на углях, завернув в листья радужника.

После ужина, когда Тамея в своей комнате пыталась деревянным гребнем пригладить спутанные волосы, Лав прибежала от молочницы.

– У дадан молоко кислое, – сообщила она, со стуком поставив пустой кувшин на стол.

– Как кислое? – удивилась Хида.

– Так. Начали доить. Нуам, как обычно, выпросил у матери кружку молока, а оно кислое. Взяли у остальных – тоже кислое!

– Ай-ай-ай, – покачала головой Хида. – Заболели, видно, чем-то.

– Ага, – подтвердила Лав. – Тутрен за Сохой послала.

– Чем же вас кормить? – озадачилась Хида. – Прибежите после гулянок голодные!

– Свари яйца, – выглянув из комнаты, предложила Тамея.

– В самом деле! Лав, сбегай-ка, принеси по два вам с сестрой.

Тамея, заплетая косу, слышала через распахнутое окно, как мать во дворе рассказывала отцу, что даданы заболели и без молока будет туго.

– Говоришь, кислое? – Перласа, похоже, это известие встревожило. – А яйца? Яйца таток проверила? – На этот раз сомнений не оставалось: отец сильно взволнован.

Тамее показалось, что мать тихонько ахнула.

Девушка выскочила во двор. Побледневшая Хида взяла у Лав яйцо и безжалостно разбила его о камень. По воздуху разнеслось зловоние.

– Фу, – сморщила нос Лавидия. – Что это?

Хида и Перлас с тревогой переглянулись.

– Оно что, протухло? – не унималась Лав. – Но этого не может быть. Яйцо было еще теплое, когда я достала его из-под татки с зеленым крылышком!

Хида молча разбила еще одно яйцо – та же нестерпимая вонь. Она размахнулась третьим.

– Не надо, – остановил ее Перлас. – Остальные тоже, скорее всего, тухлые.

– Татки тоже заболели? – спросила Тамея и отчего-то почувствовала себя очень глупой.

– Девочки, – неожиданно строго сказала мать, – гулять сегодня не пойдете!

– Почему? – возмущенно взвизгнула Лав.

Хида не ответила и лишь хмуро добавила:

– Особенно ты, Там.

– Я?! – изумилась Тамея.

Она еще могла предположить, что не пустят Лавидию, но ее, старшую, к которой уже женихи сватаются!..

– Подожди, Хида, – вмешался Перлас. – Может, ничего страшного не случилось. Это было давно, и нас никак не касается.

– Вот как?! – взорвалась Хида. – Может, и не касается! Но когда в прошлый раз так же скисло молоко у дадан и протухли все яйца, то вскоре пропала Турия и убили Рохайду! И жуткий старик искал Там... – Она прикусила язык.

– Что Там? – наострила уши Тамея. – Ты про меня говоришь?

– При чем здесь ты? – раздраженно бросила мать. – Там, я хотела сказать, в лесу!

– Ладно, Хида, не рви незрелый плод! – сказал Перлас. – Поди, все еще обойдется.

– А что обойдется? – Лавидию распирало любопытство.

Мать ушла в дом, в сердцах хлопнув дверью.

Лавидия попробовала выведать что-нибудь у отца, но и тут ее постигла неудача. Впрочем, одного ей все-таки удалось добиться: несмотря на запрет матери, Перлас отпустил обеих дочерей гулять.

Возле загона собралась почти вся деревня. Хуттинцы, облепив забор, на верхушке которого сидели дети, переговаривались вполголоса. Онсида ходила между животными, осматривала их глаза, уши, заглядывала в рот. Рока

следовала за бабушкой, по ее просьбе подавая то пузырек, то мешочек. Даданы выглядели вполне здоровыми и довольными.

Тамея протиснулась сквозь толпу и окликнула подругу.

– Бабушка говорит, что это магия, и притом черная, – шепнула ей Рока.

– У нас яйца таток протухли, – так же шепотом сказала Тамея.

– Не только у вас – во всей деревне!

Глянув на старших сородичей, Тамея заметила, что все они, как и ее мать с отцом, были очень встревожены. В необычном недуге животных хуттинцы видели плохой знак, но каких именно напастей ожидать, никто не знал. И все со страхом вспоминали ужасные события, произошедшие в их деревне в прошлый раз, когда у дадан внезапно скисло молоко, а у таток протухли яйца. Вдруг до Тамеи долетело имя Турия, она наострила уши. Похоже, судачили Арда и Лека.

– Тогда еще старик по деревне бродил, помнишь? – вполголоса говорила Лека. – Страшный такой, с длинными космами.

– Помню, – сказала Арда. – В то время и появилась у нас эта оранжевая вертихвостка.

– Тамея, что ли?

Тут Арда заметила Тамею, которая, забыв об осторожности, вытянула в их сторону шею.

– Ты чего подслушиваешь? – набросилась она.

– А ты болтай меньше! – огрызнулась Тамея.

Она еще долго стояла возле загона, ловя чужие пересуды, но ничего нового так и не узнала. Вдруг раздался знакомый смех. Тамея оглянулась: чуть в стороне от толпы Дэвика и Агга болтали с Далом. Парень улыбался так весело, что Тамея почувствовала жгучую ревность.

– Пусть праздник, Там! – заметив ее, поднял руку Дал.

– Пусть, – смущенно пробормотала Тамея и поспешно отвернулась.

В это время Онсида и Рока вышли из загона, и Тамея побежала их догонять.

– Когда освободишься? – спросила она подругу.

– Не знаю, – уныло ответила Рока. – Бабушка собирается снадобья варить. Это надолго.

Вечером, когда отец и Лавидия уже спали, Тамея попыталась вызвать Хиду на разговор.

– Мам, а почему в деревне, когда вспоминают, как пропала мать Роки и нашли убитой мать Пата, говорят и обо мне? – спросила она.

– Просто ты родилась как раз в то время, – ответила Хидида.

– Мы с Рокой ровесницы. Почему же о ней не говорят?

– Откуда я знаю? – рассердилась Хидида. – Что ты слушаешь глупую болтовню?

Расспрашивать дальше было бессмысленно, однако у Тамеи осталось ощущение, что мать от нее что-то скрывает.

Глава 4

Нападение на Онсиду

Уже засыпая, Тамея услышала крики. Выскочив из постели и торопливо одевшись, она выбежала во двор. Следом за ней поспешно вышла Хидида.

По улице двигались чьи-то темные фигуры. Тамея кинулась навстречу и увидела, что Пат, Сурт, Рувин и Рока несут на руках Онсиду, следом идут перепуганные сородичи. Когда Онсиду внесли в дом и положили на кровать, Рока, сжав зубы, принялась осматривать ее. Остальные столпились в дверях, заглядывая в комнату. При свете солнечника лицо и руки Сохи отливали глянцевой желтизной и казались совершенно безжизненными, однако никаких ран или синяков на ее теле заметно не было. Только вокруг головы вился какой-то легкий дымок, настолько прозрачный, что Тамея не могла понять, есть ли он на самом деле или ей просто мерещится. Закончив осмотр, Рока повернулась к хуттинцам, с жалостью и страхом смотревших на Онсиду.

– Прошу вас, уходите, – решительно сказала она. – Бабушка жива, и я попытаюсь ей помочь.

Один за другим жители деревни выходили из дома Сохи.

Хида ушла последней. Как только за ней закрылась дверь, Рока кинулась в кухню, где на большом деревянном сундуке стоял ящик с книгами Онсиды. Вытряхнув содержимое ящика на стол и придвинув поближе подставку с солнечником, она принялась быстро перелистывать страницы.

– Так, – еле слышно бормотала Рока, водя пальцем по строчкам, – нарывы на теле животных и людей, не то! Выпадение перьев у таток, совсем не то! Сломанные руки, ноги и другие части тела, не то! Разрешение от бремени, фу-ты! Укус ядовитого лесного червя! Вот, наверное, то, что надо! – воскликнула она и прочитала: «Если человека укусил ядовитый лесной червь, то первым делом место укуса нужно смазать соком спелой ягоды горючки...» Но горючка поспеет только осенью! – в отчаянии вскричала она и продолжила читать: – «Или настоем ягод горючки». Это есть!

Рока бросилась к широкой полке, заставленной множеством пузырьков. Торопливо передвигая склянки, она читала приклеенные к ним бумажки с надписями, беззвучно шевеля губами.

– Вот! – Она схватила с полки пузырек с мутной красновато-коричневой жидкостью и кинулась в комнату Онсиды. – Там, помоги мне раздеть бабушку! Если ее действительно укусил лесной червь, а по всем признакам так оно и есть, нужно найти место укуса!

Тамее опять почудился дымок вокруг головы Великой Сохи. Поколебавшись, она решила поделиться своими сомнениями:

– Рока, а что это за странный туман? Или мне только кажется?

– А? – словно очнулась Рока. – Где?

Она пригляделась к бабушке.

– Вижу! – воскликнула Рока. – Но вряд ли это от укуса. Там, ты просто умница! Я еще поищу.

Она понеслась обратно к столу и снова принялась ворошить книжки.

– Их здесь слишком много, – заметила Тамея, – а ты читаешь очень медленно.

– Верно, – согласилась Рока. – Но что же делать?

– Для начала расскажи, как нашли Онсиду. Может, это что-то прояснит.

– Мы допоздна варили снадобье для дадан, – волнуясь, затараторила Рока. – Но, как часто у бабушки случается, в доме не оказалось ползучего гриба! Ты знаешь, он в лесу растет. Гриб нужен был немедленно, иначе все труды насмарку. Бабушка отправилась за ним, а я осталась следить за котлом. Ждала ее, ждала, варево вот-вот закипит, а без гриба кипеть оно не должно. Я котел с огня сняла и бегом к лесу. Не успела добежать – слышу крики. Рувин пришел провести дадан и услышал позади загона какой-то шум. Он туда, там бабушка лежит, а рядом Пат и Сурт. Пат говорит: мол, гулял поблизости и прибежал на крик. За ним следом выскочил из леса Сурт. Но никто из них не видел, что произошло.

– Так... – Тамея задумалась. – Онсида звала на помощь?

– Нет, они говорят, бабушка громко вскрикнула, – уточнила Рока.

Тамею вдруг осенило:

– А может, на нее кто-нибудь напал?!

– Кто? У нее нет ни ран, ни синяков!

– А дымок? Отчего он?

– Может, магия? – испугалась собственной догадки Рока.

– Ну конечно, магия! – Тамея хлопнула себя ладонью по лбу. – Как мы сразу не сообразили? Еще днем сама Онсида говорила о какой-то черной магии!

Рока, поколебавшись, подошла к бабушкиной постели, опустилась на пол и вытащила из-под кровати еще один ящик. Смахнув с крышки толстый слой пыли, сказала:

– Здесь книги, которые бабушка прячет от меня.

Подруги выволокли тяжелый ящик в кухню и взгромоздили его на стол.

– Надо же, как крепко приколочена! – пробормотала Рока, осматривая крышку.

– Неси топор! – решительно сказала Тамея.

Рока выбежала в сени и вскоре вернулась с большим топором. Тамея размахнулась и несколько раз сильно ударила по ящику. После третьего удара ящик развалился. В нем оказались две толстые книги. Одна была обтянута черным бархатом, на переплете зловеще поблескивали полустертые кроваво-красные буквы. На белой шелковой обложке другой сверкали яркие золотые знаки. У Тамеи дух перехватило от восхищения. Книги деревенских Сох, которые писались вручную и передавались из поколения в поколение, сильно отличались от этих.

– Видишь, – Рока подняла обе книги, – эта белая – «Магия Света», черная – «Магия Тьмы». Они ужасно толстые, в какой нам искать?

Тамея на мгновение задумалась, а потом сказала:

– Если напал черный колдун, то защита от его чар должна быть описана в светлой книге. Мне так кажется.

Рока, не теряя времени, смахнула со стола щепки от ящика, раскрыла книгу в белом переплете и стала торопливо просматривать страницы. Тамея заглядывала ей через плечо. Книга была вдоль и поперек испещрена маленькими закорючками, кое-где попадались картинки. Тамею разбирало любопытство, но она боялась пошевелиться и даже дышать старалась потише, чтобы не мешать подруге. Когда-нибудь она обязательно расспросит Року, что же написано в этой удивительной книге.

– Нашла! – крикнула Рока так, что Тамея даже вздрогнула. – Слушай: «Если человек подвергся нападению черного колдуна и остался жив. Колдуны, использующие черную, равно как и белую, магию, при нападении обычно применяют огненные шары...» Тут я пропускаю. Вот слушай дальше: «Облегчить состояние пострадавшего поможет снадобье, приготовленное по следующему рецепту:

Вскипятить шесть пригоршней воды.

Добавить в кипящую воду шесть капель крови ближайшего родственника.

Всыпать две щепотки размельченного корня прозрачнолистника.

Соскрести с внешней стороны ползучего гриба пористое вещество размером с ноготь мизинца и бросить осторожно, чтобы жидкость не выплеснулась из котла.

Как только смесь перестанет пузыриться, положить в нее одного земляного червя среднего размера.

Накрыть котел крышкой, снять с огня и дать остыть.

Готовым снадобьем напоить пострадавшего. Если он не может пить, протереть ему лицо смесью. Как только представится возможность, дать выпить оставшуюся смесь».

Рока схватила со стола корявый светло-коричневый корешок и бросила его в ступку.

– Так, корень прозрачнолистника у нас есть! – сказала она. – Кровь родственника тоже! Червя откопаем прямо в огороде. Не хватает только ползучего гриба. Опять этот ползучий гриб!

– Я схожу за ним, – вызвалась Тамея.

– Вместе ходим, одной опасно, – решила Рока. – В сенях солнечник, свяжи его для факела.

– Не надо оставлять Онсиду без присмотра, – возразила Тамея. – Побудь дома, а я попрошу отца сходить со мной.

Стояла теплая тихая ночь. В траве стрекотали цвирики, все казалось привычным и спокойным. Поколебавшись, Тамея все-таки разбудила отца. Пока Перлас одевался, она собрала в сенях большой пучок солнечника, сняла со стены веревку и вышла во двор. Под факелом, что горел на столбе возле дома, связывать стебли было гораздо удобнее. Присев на корточки, Тамея принялась обламывать солнечник, чтобы все стебли были одной длины. Вдруг что-то прошелестело над ее головой. Кинув быстрый взгляд вверх, она увидела, что по небу летит какая-то громадная птица. Птица взмахнула черными крыльями и приземлилась во дворе напротив. Выскользнув в калитку, Тамея притаилась за соседней изгородью. Каково же было ее удивление, когда черная птица оказалась человеком в плаще с капюшоном! Незнакомец обошел дом, заглядывая в окна. В свете солнечника было видно, как Рока усердно растирала в ступке корень прозрачнолистника. Человек в плаще подкрался к двери и взялся за ручку. Тамея выпрямилась во весь рост, кровь от страха оглушительно стучала в висках.

– А ну стой! – что было мочи закричала она. – Стой, кому говорят!

Пришелец, вздрогнув, обернулся, но из-за низко надвинутого капюшона Тамее не удалось разглядеть его лица. Черный человек вскинул руку и резко махнул ею в сторону девушки. Из растопыренной ладони вылетел маленький шарик огня. Тамея отпрянула. Шарик с треском ударил в изгородь и рассыпался вихрем крошечных искорок. Изгородь тотчас вспыхнула. Сквозь клубы дыма Тамея

успела заметить, как незнакомец, запахнувшись в черный плащ, скрылся за углом. Из дома выскочила перепуганная Рока, прибежал Перлас, и вскоре всполошилась вся деревня. Огонь быстро потушили. Перлас, Тамея, Корт и Торин обшарили Онсидин двор, заглянули в каждый угол, но незнакомец как сквозь землю провалился.

Хуттинцы пришли в ужас: не оставалось никаких сомнений, что в деревне объявился черный колдун. Но что могло понадобиться злому магу в их ничем не примечательном селении?

Луд, немного поразмыслив, распорядился:

– Нужно установить круглосуточный караул! В одиночку по деревне и окрестностям не ходить!

Пока хуттинцы спорили, кто с кем будет нести дозор, Тамея потянула отца за рукав:

– Идем за грибом. Время не ждет.

Перлас, Тамея, а с ними для пущей безопасности Бриг и Корт отправились в лес. Ползучие грибы, как правило, сидели под деревьями, но стоило человеку или животному приблизиться к ним, грибы мигом вытаскивали из земли свои корни, быстро-быстро ползли вверх по стволу и прятались в листьях, точно пауки. Корт, первым заметив ползучий гриб, успел сорвать его. Когда они вернулись, в деревне никто еще не спал.

Сварив снадобье точно по рецепту из магической книги, Тамея и Рока уселись на лавке ожидать, пока оно остынет. Внезапное нападение колдуна им не грозило: на улице дом Сохи охраняли Зайн, Шур и Торин. Тамея, указав на белую книгу, сказала:

– Почитай еще! Вдруг что-нибудь полезное найдем.

Рока наугад открыла «Магию Света». Тамея придвинулась поближе.

– «Великая война магов», – прочитала Рока заголовок.

– Что-то про колдунов, – заметила Тамея. – Интересно.

И Рока начала читать:

– «Когда-то очень давно на всем пространстве от Холодного моря на севере и до Непокойной долины на юге существовало большое государство Калфа. Во главе государства стоял правитель, но на самом деле хозяйничал в Калфе клан могущественных магов. Правители сменяли друг друга, одна династия уступала место другой, неизменным оставался только колдовской клан Эста. Это было страшное и тяжелое время. Ужас и обреченность поселились в сердцах людей. В каждом городе члены клана совершали свои обряды. Ни одна семья, просыпаясь утром, не могла быть уверена в том, что ночью кто-нибудь из родных не окажется на жертвенном столе или в жертвенном огне. Эпоха насилия и убийств длилась долгие столетия, и все это время взоры магов Эста были направлены на Непокойную долину. Название свое долина получила из-за постоянных ветров, дующих с четырех сторон и сталкивающихся в ее центре. Подчинив себе четыре ветра, можно было получить неограниченную власть над миром. Но чтобы обуздать ветры, требовалась невиданная сила, которую на территории Калфы и копили колдуны. Черной сетью, сотканной из страха и боли людей, колдуны Эста надеялись поймать и покорить четыре вольных ветра. На их пути встал тогда клан Великого Вильбана. Началась война, уничтожившая и разорившая города и веси. В той войне сгинули оба клана Великих магов, а от некогда могучего государства осталась лишь горстка жителей, разбросанных по всей территории бывшей Калфы».

Следующие несколько страниц были испещрены непонятными знаками. Подруги долго разглядывали их, поворачивая книгу так и эдак, но ничего разобрать не смогли. Пролистнув эти страницы, Рока нашла текст и снова начала читать:

– «Черная сила, которой обладают колдуны Эста, нацелена на разрушение: растения чахнут, у дойных животных скисает молоко, у птиц протухают яйца...»

Рока подняла взгляд на Тамею.

– Выходит, по деревне бродит черный колдун из клана Эста? – едва слышно пробормотала она.

– Но тут сказано, что все маги сгинули в той войне. – Тамея кивнула на книгу.

– Выходит, не все...

– Знать бы еще, что ему тут нужно, – задумчиво произнесла Тамея.

– А если отвар не удался? – заволновалась Рока. – Вдруг бабушка не поправится? В деревне, где околачивается злой колдун, останется одна совершенно неумелая Соха!

– Вот увидишь, все получится! – уверенно сказала Тамея.

Когда снадобье наконец остыло, Рока обмакнула в него кисточку и быстро намазала лицо бабушки. Онсида на лекарство не реагировала. Подруги устроились у постели Сохи и стали с тревогой ждать.

Первой от тихого стука о косяк проснулась Рока, за ней вскочила Тамея. Обе обескураженно озирались по сторонам, потирая глаза. И когда это они заснули? В дверях, улыбаясь, стояла Хида. Слабая улыбка мелькнула и на порозовевшем лице Онсиды. Рока кинулась к бабушке.

– Отвар помог! – закричала она. – Тамея, тащи остальное. Бабушку нужно напоить!

Тамея, чуть не сбив с ног Хиду, выскочила в кухню и вернулась с котлом.

– А кружку? – хохоча, напомнила Рока.

От счастья, переполнявшего их сердца, хотелось плакать и смеяться. Лекарство подействовало! Онсида поправляется! На смену страшной, наполненной мрачными предчувствиями ночи пришло чудесное солнечное утро.

– Чем это вы ее поите? – поинтересовалась Хида, глядя, как Рока осторожно приподнимает голову бабушки и вливает содержимое кружки ей в рот.

– Компотом из червяков, мама! – весело ответила Тамея.

– Идите к нам, у меня завтрак повкуснее червяков, – сказала Хида, присаживаясь на край кровати Сохи. – А за Онсидой я присмотрю.

– Что в деревне? Нашли кого-нибудь? – прежде чем уйти, спросила Тамея.

– Мужчины с топорами все закоулки обыскали, – мрачно покачала головой Хида. – Да оно и к лучшему, что никого не нашли. Что мы можем сделать против колдуна?

– А дадан доили? – спросила Рока.

Хида только рукой махнула:

– Молоко по-прежнему кислое.

Уминая еще теплые лепешки, Тамея задумчиво сказала:

– Знаешь, что мне показалось странным?

Рока вопросительно уставилась на нее.

– Рувин ночью ходил проверить дадан, Онсида искала ползучий гриб. А что так поздно в лесу делали Пат и Сурт? – Тамея даже отложила в сторону недоеденную лепешку. – Их дом на другом конце деревни.

– Пат говорил, что гулял, – напомнила Рока.

– Чудно это как-то. Помнишь ночь, когда Пата искали всей деревней, а под утро его привез рыбак из Тмироса?

– Ну?

– Руя мне рассказала, что Пат был у колдуна.

– Ты думаешь, – Рока поперхнулась, – на бабушку напал колдун из Тмироса? Маг из клана Эста?

– Думаю, да! А Пат не случайно был у него. И в лесу они с Суртом оказались не случайно! Отец, сын и этот колдун... Они как-то связаны! – предположила Тамея.

– Слушай, – от волнения у Роки порозовели щеки, – а ведь эти книги по магии принадлежали Рохайде – жене Сурта и матери Пата!

– А может, Пат с Суртом владеют черной магией?! – Тамею потрясла собственная догадка.

Рока ахнула:

– Значит, они и на бабушку могли напасть!

– Но в ваш дом пробирался только один человек. – Тамея прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. – По-моему, мы околесицу несем!

– Во всяком случае, мы точно знаем, что Пат наведывался в Тмирос и оба они, отец и сын, оказались в том месте, где напали на бабушку! – заключила Рока.

– Давай расскажем старейшине, что Пат и Сурт как-то связаны с колдуном, который околачивается в деревне, – предложила Тамея.

Глава 5

Убийство Сурта

Рока и Тамея уже поднялись из-за стола, когда прибежала Лав. С трудом переведя дыхание, она выпалила:

– Сурта из леса принесли!

– Как принесли? Опять что-то случилось?! – в один голос воскликнули подруги.

– Охотники вернулись с промысла раньше обычного, – сбивчиво рассказывала Лавидия. – Сурта убили! Его принесли Дал, Эйд и Крим! Уже вся деревня собралась! Все ждут Соху!

– О нет! – простонала Рока. – Я без бабушки не справлюсь!

Лав сочувственно вздохнула и кивнула на дверь: мол, иди, тебя ждут!

– Что мне делать? – Рока умоляюще заглянула в лицо подруге.

– Идем, – решительно сказала Тамея. – На месте разберемся.

В доме Сурта было пыльно и неуютно. На закопченной печи скопились грязные горшки, из углов, заваленных мусором, пахло плесенью. Сурт лежал на кухонном столе, черты его лица заострились, кожа отливала синевой. Изорванная одежда и спутанные волосы были испачканы землей. Рядом на лавку положили его сломанные лук и стрелы. Сгрудившись возле стола, тихо переговаривались Тутрен, Дал, Эйд, Крим и Луд. В углу, съежившись, замер Пат. При виде слез, градом катившихся из немигающих глаз юноши, сердце Тамеи захлестнула жалость. Пока побледневшая Рока осматривала тело Сурта, Луд что-то шепнул ей на ухо. Девушка торопливо кивнула и, потянув Тамею за руку, вышла из дома. Во дворе их встретили растерянные и испуганные глаза хуттинцев.

– Похороны сегодня, еще до обеда, – печально сообщила Рока. – Так сказал Луд.

Хуттинцы вполголоса обсуждали решение старейшины, когда из дома показался непривычно хмурый Дал.

– Это вы Сурта нашли? – спросила его Рока.

– Да. Мы подстрелили уже по паре хур, – начал рассказывать Дал, – и тут слышим – дикая дадана ревет. Крим зашел с одной стороны, Сурт – с другой. Мы с отцом ждем, пока они выгонят ее на нас. Вдруг раздался шум, вроде как кто-то борется. Мы бросились на звук. Даданы нет и в помине, а Сурт лежит под деревом, уже мертвый.

– Может, его дадана затоптала? – робко предположила Тамея.

– Даданы трусливые, – покачал головой Дал.

– Луд думает, что Сурта убили при помощи магии, – тихо сказала Рока.

Тут на крыльцо вышел сам старейшина.

– Сородици! – громко обратился он к мгновенно притихшим хуттинцам. – Я знаю, как вы напуганы, но прошу вас сохранять спокойствие! Сегодня же Эйд и Крим отправятся в Наллеху просить у Оргорона защиты. А вас еще раз прошу не бродить в одиночку. И по ночам никому, кроме караула, из домов не выходить!

Тамея, улучив момент, рассказала старейшине о тмиросском колдуне.

– Попробую поговорить с Патом, – задумчиво проговорил Луд и вернулся в дом. Тамея и Рока вошли следом.

– Старейшина как можно мягче расспросил Пата о той ночи, когда он попал в Тмирос. Но беседа ничего не прояснила. Пат уверял, будто не знал о том, что старик – колдун, что ничего особенного он ему не рассказывал, а старик большого интереса к деревне не проявлял.

Луд по-отечески похлопал парня по плечу и повернулся к Роке.

– Передай Онсиде, что я скоро зайду, – сказал он. – А обряд придется провести тебе.

Рока закусила губу.

– Ты справишься, – тихонько шепнула ей Тамея.

Женщины принялись готовить тело к похоронам, мужчины – сооружать плот, который вместе с телом подожгут и пустят по реке, а Тамея и Рока вернулись к Онсиде.

Хида сидела у постели Великой Сохи и кормила ее лепешкой, намазанной маслом.

– Берония достала из погреба свои запасы. – Улыбнувшись, Хида показала на масло. – И Туна заходила, сказала, что принесет вареную хуру и бульон.

– Что Луд решил с похоронами? – поинтересовалась Онсида.

– Он велел отправить Сурта на Солнце, как требует обычай, – вздохнув, сказала Рока и спросила: – Бабушка, что с тобой произошло той ночью?

– Да я уже спрашивала, – вмешалась Хида. – Онсида ничего не помнит.

– Совсем ничего? – не поверила Тамея.

– Я за грибом гналась, – сказала Соха. – Увидела только, как что-то вспыхнуло рядом, а потом я сознание потеряла.

Немного погодя пришел Перлас, которого хуттинцы послали за Рокой.

Девушка надела красное платье, символизирующее закатное солнце, и по совету бабушки взяла в руки пучок краснянки.

Во дворе у Сурта вновь собрались все жители деревни. Плот, тело покойного и всю одежду на нем пропитали горючими маслами. В ногах положили его лук, стрелы и стопку лепешек, завернутую в листья радужника. Хуттинцы верили, что Сурт отправляется на Солнце. Ему отдали все его вещи, которые могли пригодиться в другой жизни, и снабдили в дорогу едой. Тело обложили стеблями солнечника и краснянки, сверху густо засыпали лепестками красных цветов, чтобы встречающие на Солнце предки знали, как Сурта любили и уважали при жизни.

Рока зажгла свой пучок краснянки и встала в ногах Сурта. Хуттинцы сгруппировались поодаль. Сердца деревенских жителей переполнял страх. Никто не знал, за что неведомый колдун убил одного из них, и каждый с ужасом гадал, кто станет его следующей жертвой. Тамея оказалась с краю толпы, впереди нее горестно склонили головы Тутрен и Берония. Рока принялась что-то бормотать, то поднимая глаза к небу, то словно указывая небу на Сурта. Тамея стояла слишком далеко, чтобы слышать хоть слово. Впрочем, Року, просившую Солнце и предков принять Сурта, не заботило, понимают ли ее окружающие. Было

нестерпимо жарко, пот заливал лицо, от сладковатого дыма краснянки начинало тошнить. Тамее хотелось, чтобы церемония поскорее закончилась. Тутрен и Берония тихо переговаривались. Тамея невольно прислушалась, и уже от первых долетевших до нее слов затаила дыхание.

– Рохайду точно так же мертвой в лесу нашли, – сказала Тутрен. – Тот же колдун убил ее или другой? И за что их обоих?

– Сурт выгнал жену из дома, вот колдун ее и убил! А не выгнал бы, и Рохайда жива была бы, и сам, глядишь, не помер бы, – покачала головой Берония.

– Так Рохайду только через три года нашли. Значит, она не сразу погибла. Три года же ее где-то носило! – возразила Тутрен.

– Говорят, Сурт выгнал ее за то, что она любовь с кем-то из наших закрутила. Она же тохтинская, а там все бабы вертихвостки.

Тутрен недоверчиво усмехнулась:

– А я слышала, будто Сурт у нее книжки какие-то нашел. Нехорошие, колдовские. За это и выгнал.

– Может, и за это. А Турию так и не нашли. Вот ведь как бывает! – Берония понизила голос. – А Турия, говорят, тоже книжками колдовскими увлекалась. И с Рохайдой они дружны были. Темная эта история!

– Ох, что нас ждет? Защити, Солнце! – запричитала Тутрен.

Хуттинцы зашевелились, и Берония с Тутрен вынуждены были замолчать. Рока вышла со двора и медленно двинулась вдоль улицы в сторону реки. Мужчины, подняв плот, положили его на плечи и тронулись следом. За плотом молча потянулись остальные хуттинцы. Кто-то прихватил с собой вилы, кто-то топор, хотя все понимали, что против колдуна это оружие вряд ли поможет. Рока на ходу беспрерывно махала дымящейся краснянкой. Обычно для обряда похорон Сохи использовали солнечник, но в убийстве Сурта была замешана магия, поэтому на сей раз солнечник заменили краснянкой, единственным известным в деревне средством от зла. Хотя злом, от которого до сих пор защищались

хуттинцы, были всего лишь мелкие вредители злаков.

Процессия вышла к реке. Харла текла спокойно и безучастно, ярко сверкая на солнце. Мужчины спустили плот на воду. Рока подожгла солнечник, от него задымились и стебли краснянки. Торин, Бриг и Дал оттолкнули плот от берега. Харла подхватила его и медленно понесла на восток. Хуттинцы молча стояли на берегу, провожая плот взглядом, пока он не скрылся из виду, оставив в небе дымный след. Тамея оглядела водную гладь в поисках Руи, но водяная дива при таком скоплении народа выглянуть из реки не осмелилась.

Когда хуттинцы побрели обратно в деревню, Рока шла рядом с Тамеей.

– Все прошло нормально? – спросила Тамея подругу.

– Да, – ответила Рока. – Я ни разу не сбилась.

К вечеру деревню облетела радостная весть: только что надоенное молоко дадан и снесенные яйца таток снова стали свежими и вкусными, это значило, что колдун покинул окрестности деревни. Великая Соха показалась на улице живой и здоровой. Посланные в Наллеху Эйд и Крим не успели отъехать далеко – их вернули назад. Улицы обходили караулом еще несколько дней, потом перестали. Хуттинцам хотелось верить, что опасность миновала. Беда задела их деревню своим черным крылом и пронеслась мимо.

В жаркий летний день базарная площадь была до отказа забита весело гомонящими людьми. На деревянных лавках каждый желающий раскладывал все, что собирался обменять.

Старик с короткой курчавой бородой, в темной рубаше и сильно помятых штанах, выставив на обмен красивые кожаные сандалии, развалился на лавке рядом со своим товаром. За сандалии он просил мешок пшеницы. Тут же вокруг старика собралась стайка молоденьких девушек и женщин, но ни их родители, ни мужья ни за что не соглашались платить такую цену за обувь.

– Да он принес их просто похвастаться! – насмешливо крикнула полная женщина, перед которой на блюде лежала груда вареных овощей зеленого

цвета. – Кто ж за сандалии мешок пшеницы отдаст, да еще летом?

Трое молодых людей подошли к сухонькой старушке, державшей в руках кувшин.

– Что хочешь за настойку, женщина? – спросил один из них, озорно сверкнув красными глазами.

– А что у вас есть? – спросила старушка, прижав кувшин к груди.

Молодые люди переглянулись и, безмятежно насвистывая, отправились дальше.

Среди оживленной толпы появилась фигура, закутанная в черный плащ. Большой капюшон скрывал лицо, и невозможно было разобрать, мужчина это или женщина. Человек медленно двигался вдоль лавок, и люди расступались перед ним, ощущая неизъяснимую тревогу. Фигура в черном приблизилась к женщине с вареными овощами. Возле ее лавки мгновенно образовалось свободное пространство.

– Свежие. Утром варила, – пролепетала женщина.

Человек потрогал ее товар и молча пошел дальше. Задержался около старушки с настойкой, потянулся к кувшину. Сняв тряпку с горлышка, понюхал содержимое. Старушка открыла было рот, чтобы по привычке похвалить настойку, но вдруг со страхом вытаращилась на незнакомца в черном. А человек уже шагал по базару, на ходу едва касаясь рукой шкур, посуды, овощей, фруктов – всего, что принесли горожане для обмена. Обойдя площадь, он исчез так же внезапно, как и появился. Спустя какое-то время базар привычно забурлил.

К женщине, торговавшей овощами, подошли парень и девушка.

– Хочешь? – щедро указав рукой на зеленую грудку, спросил юноша.

Девушка кивнула и стыдливо потупилась.

– Что просишь за сулимы? – поднял брови молодой человек.

– Поцелуй! – весело отозвалась хозяйка и, запрокинув голову, зашлась в заливистом смехе, показав челюсть без двух передних зубов.

– А запросто! – азартно ответил он.

Девушка изо всех сил двинула локтем ему в живот. Парень согнулся, выдавив улыбку.

– Ладно! Ладно! – миролюбиво замахала рукой хозяйка. – Что у тебя есть?

– Отличный кожаный ремень! – гордо ответил юноша, вытаскивая из-за пазухи потрепанный коричневый ремень для штанов.

– Старый он у тебя больно, порвется скоро, – придирчиво разглядывая товар, сказала хозяйка.

– Ничего не старый! – обиделся юноша. – Отец только и поносил малость!

– Старый! – уперлась хозяйка. – Больше пяти сулимов не дам!

– Давай семь! – предложил юноша.

– Шесть!

Сошлись на шести вареных сулимах, и ремень из-за пазухи юноши перекочевал за пазуху торговли овощами. Оба остались очень довольны сделкой.

– То-то отец тебе задаст! – усмехнулась женщина вслед удаляющейся парочке.

Возле торговли настойкой вновь остановились три молодца. Один положил перед ней три рыбины и несколько вареных сулимов.

– Свежая? – недоверчиво поинтересовалась торговка, обнюхивая рыбу.

– Свежая! Свежая! – наперебой принялись уверять молодые люди.

– А ну как несвежая? – прищурилась торговка.

– Рутга, ты же нас знаешь! – шутливо оскорбился парень с озорными красными глазами. – Знаешь наших родителей!

Старушка, еще немного поморщившись, ловко спрятала рыбу и овощи куда-то под лавку. Затем осторожно налила в кружку золотистой ароматной настойки. Молодые люди пили по очереди, от удовольствия закрывая глаза и причмокивая.

Внезапно один из них побелел, губы его сделались фиолетовыми, глаза вылезли из орбит и остекленели. Он медленно осел на землю, его тело задергалось в жутких судорогах, из широко открытого рта повалила густая зеленая пена. Его товарищи несколько мгновений стояли, застыв от ужаса, а потом тоже забились в страшных конвульсиях. Женщины закричали, мужчины бросились на помощь.

В это время на другом конце базара билась в судорогах девушка, съевшая сулим. Ее спутник, потерявший голову от страха, пытался поймать ее руки. С диким воплем к ним подбежала дородная женщина и, рухнув на колени возле уже бездыханного тела, закричала, тыча пальцем в юношу:

– Что ты сделал с моей дочерью?!

Тот хотел что-то ответить, но не успел: его глаза вылезли из орбит и остекленели, изо рта потекла зеленоватая пена.

– Что было в твоей проклятой настойке? – яростно кричал мужчина в лицо старушке с кувшином.

Женщина разжала руки, сосуд упал на камни и разбился. Золотистые капли разлетелись в разные стороны, забрызгав босые ноги столпившихся вокруг людей. Трое молодых людей лежали на земле в неестественных позах, на лицах застыли чудовищные маски.

– Надо отнести их домой, – слышалось из толпы.

Несколько мужчин подхватили тела и понесли их к выходу с базара.

Мать мертвой девушки в оцепенении смотрела, как рядом с телом ее дочери скорчился и затих парень. Она хотела подняться с колен, позвать на помощь, но не успела: ее лицо побелело, глаза вылезли из орбит, изо рта пошла пена.

Полуденное солнце палило нестерпимо. По лицам мужчин, несших тела юношей, ручьями струился пот, женщины не успевали утирать его. Внезапно один из носильщиков оступился и припал на одно колено. Попытался встать, но вместо этого замертво рухнул на землю. Женщины пронзительно закричали: из его рта капала на землю зеленая пена. Несколько секунд спустя на земле уже корчились от боли все остальные носильщики, а за ними упали, забившись в судорогах, и женщины, вытиравшие им пот.

Поднялась паника. Обезумевшая от ужаса толпа хлынула с базарной площади, на бегу люди падали и давили друг друга.

Из колодца деревянным ведром девушка набирала воду. К ней подошел человек в черном плаще, чье лицо было скрыто под капюшоном. Испугавшись, девушка отбежала в сторону, оставив ведро на каменном краю колодца. Незнакомец зачерпнул пригоршню воды, отпил немного, а остатки выплеснул обратно в ведро. Постоял, словно в раздумье, толкнул ведро в колодец и неспешно удалился. Девушка заглянула в колодец: мрачно поблескивающее чрево жадно поглотило ее ведро. Девушка горестно вздохнула, представив, какая взбучка ждет ее дома. Она повернулась, чтобы бросить проклятие вслед тому, кто навлек на ее голову неприятности, но незнакомец в черном плаще исчез, словно его и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nekrasova_anna/ezumrit

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)